

СПЕЦВЫПУСК

НОЯБРЬ/2020
УКРАИНА

ЖЕНСКИЕ СЕКРЕТЫ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

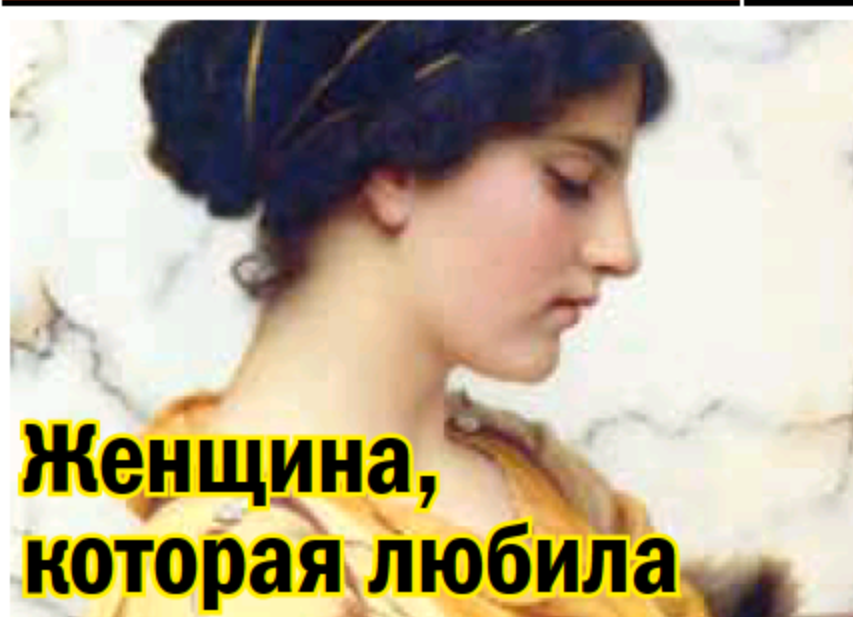
№11 (176)

Семеновым и Артемом Боровиком в 1989 году

В НОМЕРЕ:

ПЕРСОНА

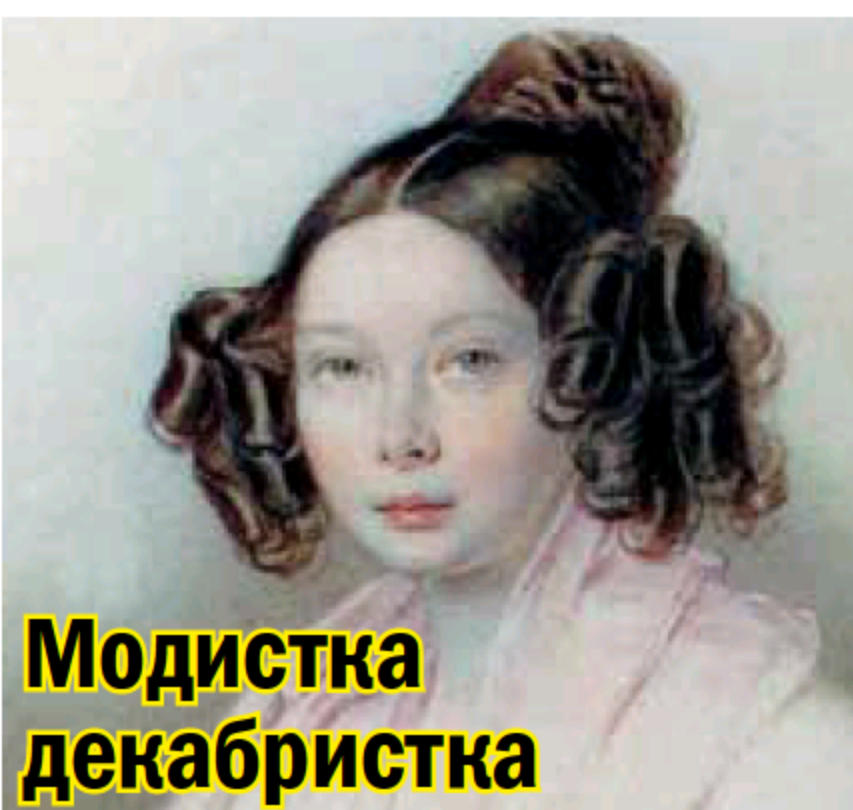
16

Женщина,
которая любила

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

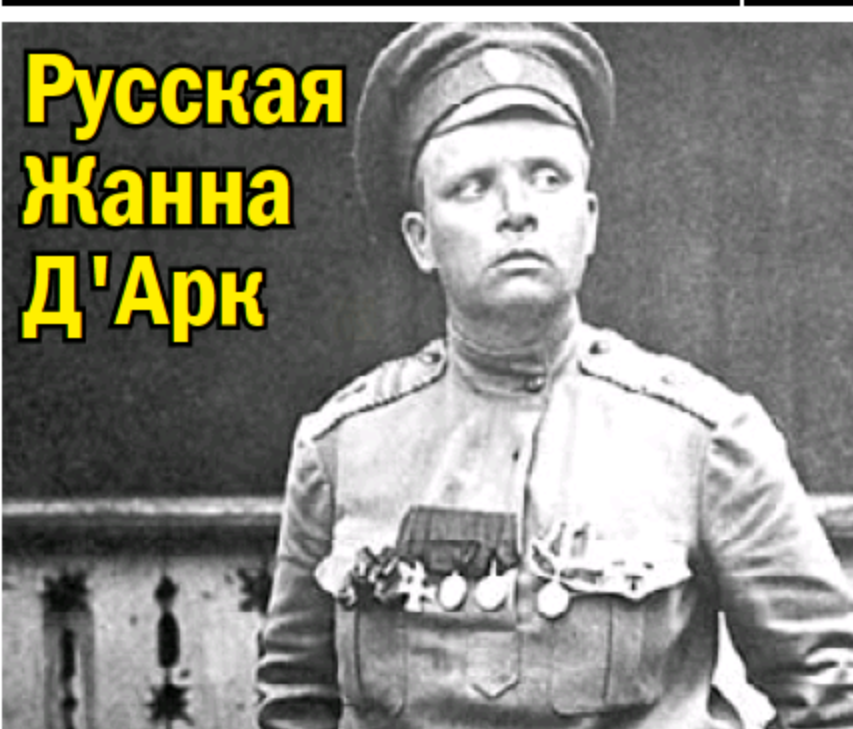
13

Модистка
декабристка

ПЕРСОНА

5

Русская
Жанна
Д'Арк

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

8

Сказка
о мертвой
королеве

РОКОВАЯ
МАТА
ХАРИ

ISSN 2070-884X

20011

9

772070

884002

АНГЕЛ

**Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:
Аресты, обыски, доносы
И покушенья - без числа...
Александр Блок. «Возмездие»**

Двадцать четвертого января 1878 года в 10 часов утра петербургский градоначальник генерал-адъютант Федор Трепов вышел в приемную своего дома на Невском проспекте и начал ежедневный прием просителей. В их числе была молодая, скромно одетая дама, назвавшаяся Елизаветой Козловой. Впоследствии лица, находившиеся в приемной градоначальника, не смогли припомнить о ней ничего существенного: она держалась незаметно и ничем не обратила на себя внимания; по одним источникам, на ней была широкая черная тальма – накидка без рукавов, по другим – серая шаль поверх серого же пальто. На предметах одежды, специально купленных по такому случаю, были вышиты инициалы ЕК.

Елизавета Козлова объяснила градоначальнику, что ищет место гувернантки, а для этого ей необходимо получить удостоверение о благовидном поведении. Трепов принял прошение и обратился к следующей просительнице, но та не успела открыть рта, как раздался выстрел. Стреляла Козлова из револьвера, который прятала в складках тальмы. Пуля попала градоначальнику в бок; он повалился наземь. В барабане шестизарядного английского «бульдога» оставалось еще пять пуль, но стрелявшая бросила револьвер на пол. Она не сделала ни малейшей попытки скрыться или оказать сопротивление при аресте.

Федор Трепов чудом остался в живых. Покушавшуюся на него на самом деле звали Верой Ивановной Засулич. При допросе она заявила, что отомстила градоначальнику за оскорбление, которое тот нанес политическому заключенному, а именно студенту Боголюбову.

«Засулич вовсе не была террористкой, – писал известный революционер и террорист Сергей Степняк-Кравчинский. – Она была ангелом мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на заклятие, чтобы смыть с партии позорное пятно смертельной обиды... И, однако, событие 24 января имело огромное значение в развитии терроризма. Оно озарило его своим ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания».

Покушение и судебный процесс Веры Засулич стали важнейшим рубежом в истории русского революционного движения. Тем не менее споры о деле Засулич продолжаются по сей день.

Надежда для Веры

«Ангел мести» – так назвала свою книгу о Вере Засулич историк, профессор Королевского университета в канадской провинции Онтарио Ана Силджак. Книга вышла в 2008 году и привлекла к себе внимание новым, свежим взглядом на известный исторический эпизод. Я связался по телефону с госпожой Силджак:

– Чем заинтересовало вас дело Засулич?

– Этот судебный процесс я считаю очень важным поворотным пунктом в истории России. Вот с этого я и начала – с интереса к судебному процессу и с размышлений о том, что значил этот процесс в русской истории. А значение его состоит в том, что он привел к открытому столкновению разных идеологий и мировоззрений: верно-подданнического, либерального и революционного...

– Еще на школьной скамье мы усвоили образ Веры Засулич, который вы теперь оспариваете...

– Описания личности Веры Засулич

опираются главным образом на образ, созданный на процессе ее адвокатом. Отсюда и взялся стереотип, дошедший до наших дней. Это образ хрупкого создания, которое было настолько потрясено сообщениями об ужасах тюремной системы, что не вполне контролировало свои действия. А когда начинаешь изучать материал, узнаешь, что она пришла к покушению на Федора Третьякова полностью подготовленной идеологически. У нее был богатый жизненный опыт, она много страдала. Это была женщина с твердыми убеждениями, решительная, она прекрасно отдавала себе отчет, с какой целью она это делает. По рождению она принадлежала к привилегированному сословию, но внутри этого сословия занимала как бы низшую ступень. Она была ребенком от несчастливой брака. Ее мать впадала в бедность. Так что Вере уже в детстве пришлось претерпеть лишения. Ну а затем она примкнула к радикальному кругу, принадлежность к которому предполагала отказ от сословных привилегий и тайный образ жизни, поставленной на службу революции.

– Что значило для Веры знакомство с Сергеем Нечаевым – знаменитым террористом, ставшим прототипом главного героя «Бесов» Достоевского?

– Нечаев появился в ее жизни после того, как она закончила пансион и уже осознала сильнейшее желание стать чем-то большим, чем заурядной провинциальной образованной барышней благородного происхождения. Она пробовала себя в разных занятиях, она очень много читала, в

том числе революционную литературу. Нечаев возник как раз в тот момент, когда она отчаянно пыталась найти выход охватившим ее революционным настроениям. Она хотела вступить в организацию, посвятить свою жизнь высокой цели. Нечаев именно это ей и предложил.

Обвинение обвинителей

Это почти случайное знакомство исковеркало 20-летней девушке жизнь. Она два года провела в предварительном заключении в Литовском замке и Петропавловской крепости, а затем в административном порядке была сослана в Новгородскую губернию под гласный надзор полиции. В Петербург она вернулась в 1877 году, горя желанием послужить делу революции.

Момент был переломный. Заканчивалась победоносная, стоившая России огромных потерь война с Турцией на Балканах. Окончательную неудачу потерпело «хождение в народ». Философ Георгий Федотов писал об участниках этого массового движения образованной молодежи с нескрываемым восхищением: «Святых нельзя спрашивать о предмете их веры: это дело богословов. Но, читая их изумительное житие, подвиг отречения от всех земных радостей, терпения бесконечного, любви всепрощающей – к народу, предающему их, – нельзя не воскликнуть: да, святые, только безумец может отрицать это!»

Но почему «народ, предающий их»? Да потому, что этот самый народ, который они ехали просвещать и агитировать, очень

скоро сдавал их уряднику.

Власть ответила народникам репрессиями. В феврале-марте 1877 года в Петербурге прошел «процесс 50-ти». Обвиняемым вменялось участие в тайном сообществе, имеющем целью «ниспровержение существующего порядка». Молодой рабочий-ткач Петр Алексеев, прообраз Павла Власова из романа Горького «Мать», произнес на суде громовую речь, в которой предрек: «Поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» 23-летняя дворянка Софья Бардина обличала публику в зале: «Наступит день, когда даже и наше сонное и ленивое общество проснется, и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать из своей среды братьев, сестер и дочерей и губить их за одну только свободную исповедь своих убеждений...»

Министр иностранных дел князь Горчаков писал министру юстиции генерал-прокурору графу Палену: «Вы думали убедить наше общество и Европу, что это дело кучки недоучившихся мечтателей, мальчишек и девочек и с ними нескольких пьяных мужиков, а между тем вы убедили всех, что... это люди вполне зрелые умом и крупным самоотверженным характером, люди, которые знают, за что борются и куда идут... Теперь вся Европа знает, что враги правительства не так ничтожны, как вы это хотели показать».

В брошюре, изданной по случаю «процесса 50-ти» Михаилом Драгомановым в Женеве, одно из стихотворений начиналось строфами:

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели...
Нам было лестно состраданье
Прочсть у них на лицах к нам...
Мне даже слышалось рыданье
Из отделения для дам...

Это описание атмосферы в зале судебных заседаний имеет прямое отношение к процессу Засулич.

Следующим стал в октябре того же года Большой процесс, или «процесс 193-х». На нем блистал красноречием Ипполит Мышкин, которого судили за попытку освобождения Чернышевского из Вилуйского острога. «Это не суд, – восклицал он, – а просто комедия или нечто худшее, более отвратительное, позорное... чем дом терпимости, там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человека».

Сенаторам в жизни своей не приходилось слышать ничего подобного, да еще в присутствии посторонней публики. Что они могли ответить? Ведь не вступать же с обвиняемым в политическую дискуссию, не доказывать же, что они не «проститутки». На словах «опричники царя» безумевший жандармский офицер бросился зажимать Мышкину рот и поцарапал его; на лице Мышкина показалась кровь, зал грозно загудел, подсудимые громко протестовали...

«Процесс 193-х» недаром называется Большим: число арестованных по искусственно сконструированному делу (в одно судопроизводство объединили дела около 30 кружков) превышало 4000 человек. Многие из них провели в предварительном заключении не по одному году. К началу судебных слушаний 97 человек умерли или лишились рассудка за решеткой. 120 обвиняемых бойкотировали суд. Главных обвиняемых защищал цвет российской адвокатуры. Будучи не в силах доказать существование обширного заговора по ниспровержению государственного порядка, Особое присутствие правительствующего Сената было вынуждено вынести относительно мягкие приговоры. 80 оправдан-

Новый взгляд на дело Веры Засулич – первой в истории женщины-террористки

МЩЕНИЯ

ных, однако, были по высочайшему повелению отправлены в административную ссылку.

Казус Трепова

Градоначальник Трепов мало походил на «царского опричника». Он попал в историю, сам того не желая и чуть ли не против своей воли, отнюдь не отличаясь особой злобностью в отношении политических преступников. Как писал в воспоминаниях выдающийся юрист Анатолий Кони, между Треповым и его преемниками «была целая пропасть в смысле ума, таланта и понимания своих задач».

13 июля 1877 года градоначальник инспектировал петербургский дом предварительного заключения и взбеленился после того, как один из арестантов, член «Земли и воли» студент Алексей Боголюбов, осужденный к 15 годам каторжных работ, дважды на протяжении нескольких минут встретившись с ним в тюремном дворе, решил во второй раз не снимать шапку и не кланяться. Трепов был другого мнения о правилах внутреннего распорядка. И без того чем-то взвинченный, с криком «Шапку долой!» он протянул руку, собираясь сбить шапку с головы Боголюбова. Арестантам, наблюдавшим сцену из окон камер (это были в основном осужденные по делу 193-х), показалось, что Трепов ударил Боголюбова. Они подняли крик и стали бросать на тюремный двор разные предметы, стараясь попасть в градоначальника. Трепов, опасаясь бунта, ретировался, приказав высечь Боголюбова.

Ана Силджак считает этот инцидент злополучной случайностью:

– Трепов был человек эксцентричный, неуравновешенный. Он не был жестоким по натуре. Событие, которое повлекло за собой покушение на его жизнь, было в значительной мере неудачным стечением обстоятельств. Он оказался в тюрьме в момент, когда заключенные отказались соблюдать распорядок. Трепов отнюдь не поощрял телесные наказания политических заключенных. Наказание Боголюбова

именно в силу своей исключительности стало искрой, воспламенившей революционное движение.

Градоначальник, впрочем, не велел начинать экзекуцию вплоть до особого распоряжения. Дело в том, что Трепов не был уверен в законности своего приказа. Поэтому непосредственно из тюрьмы он поехал за консультацией в Министерство юстиции, но Кони, занимавшего в то время пост вице-директора департамента, на месте не застал. Кони утверждает, что градоначальник искал способа отменить свой приказ, дабы «с честью выйти на законном основании из ложного положения»; но министр граф Пален с восторгом санкционировал порку.

Кони описывает сцену оправданий Трепова в своем кабинете на следующий день: «Клянусь вам, Анатолий Федорович, — сказал Трепов, вскакивая с кресла и крестясь на образ, — клянусь вам вот этим, что если бы Пален сказал мне половину того, что говорите вы теперь, я бы призадумался, я бы приостановился, я бы иначе взыскал с Боголюбова... Но, помилуйте, когда министр юстиции не только советует, но почти просит, могу ли я сомневаться? Я солдат, я человек неученый, юридических тонкостей не понимаю! Эх, зачем вас вчера не было?!»

Телесные наказания за дисциплинарные нарушения допускались в отношении осужденных в каторжные работы на этапе или в местах отбытия наказания, но не в отношении обвиняемых и не в следственной тюрьме.

Вот как комментирует это профессор Ана Силджак:

– Порка была законным наказанием для приговоренных преступников во время следования по этапу. Боголюбов был уже приговорен и ожидал отправки к месту отбытия наказания. В доме предварительного заключения он оказался по недоразумению. Так что юридически он, вероятно, мог быть наказан. Но для Петербурга это был чрезвычайно редкий случай. Дело было не в том, имела ли администрация право наказать его, а в том, что наказание было непропорционально жестоким. Это был акт не наказания, а произвола.

И продолжает:

– Между наказанием Боголюбова и покушением на Трепова прошло почти полгода. Уже одно это говорит о том, что теракт не был следствием безотчетного порыва. Покушение не просто тщательно планировалось – планировалось двойное покушение. Близкая подруга Веры и ее революционный товарищ Маша Коленкина должна была в тот же день совершить покушение на Владислава Желеховского, прокурора на «процессе 193-х». Это двойное покушение должно было стать сигналом должностным лицам правительства о том, что они больше не в безопасности. Но Маше исполнить план не удалось, и Вера превратилась в уникальную фигуру русского революционного движения – первую женщину-террористку. Со временем детали забылись, была забыта Маша, и в исторический литературе появился образ невинной девушки, которая совершает спонтанный акт террора, будучи не в силах сми-

Адвокат Анатолий Кони

ряться с насилием в отношении политического заключенного. На самом деле она вовсе не была наивным существом, не отдающим отчет в своих действиях.

Исходя из высших соображений – дабы не создавать в очередной раз рекламу революционерам – было решено квалифицировать дело как уголовное и направить его вместо Особого присутствия в Петербургский окружной суд. Возможно, отчасти причиной было недовольство, которым царь, навестивший пострадавшего, встретил фразу Трепова: «Эта пуля, быть может, назначалась вам, ваше величество, и я счастлив, что принял ее за вас». Император, в которого уже стрелял в 1866 году Дмитрий Каракозов, не склонен был раздувать дело.

Защита как нападение

Засулич вменялась статья 1454 Уложения о наказаниях («предумышленное убийство»), которая предусматривала лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Из дела, по свидетельству Кони, который председательствовал на суде, тщательно изымался политический элемент. Не было его и в обвинительном заключении. Опасаясь раскрыть тайную организацию, предварительное следствие не стало даже искать сообщницу Засулич, купившую ей револьвер. Товарищи окружного прокурора Жуковский и Андреевский отказались вести сомнительное дело, и оно было поручено Константину Кесселю, который воспринимал это как тяжкую обязанность. Предчувствовал сложности и Пален, пытавшийся договориться с Кони о преднамеренной процессуальной ошибке, чтобы иметь повод для кассации. Кони от сделки отказался, и Пален очутился в безвыходном положении: он не мог передать дело Особому присутствию, поскольку сам же велел считать его не политическим, а уголовным. Кони считал оправдание возможным, но отнюдь не неизбежным, и писал, что в Англии, стране с развитым правосознанием, сочувствие Засулич выразилось бы в мягкости приговора, но никак не в оправдании.

К процессу Засулич было приковано

внимание публики, в том числе светской. Суд широко освещался прессой, как отечественной, так и зарубежной. Корреспондент газеты «Голос» Григорий Градовский вспоминал: «На дело Засулич в пятницу 31-го марта 1878 года можно было попасть только по билетам, а добыть их было трудно. Зала заседания уголовного отделения невелика. Все места за судьями были тесно заняты высшими представителями администрации и суда. В обычных местах для публики, внизу и наверху, трудно было дышать. Виднелось много дам избранного общества... Напоминаю все эти подробности потому, что среди молчания «обузданной» печати разнузданная реакционная журналистика утверждает, будто в суде по делу Засулич находился какой-то сброд и неистовствовала толпа нигилистов... Можно уверенно сказать, что в судебной зале не было ни одного «нигилиста», ни одного студента».

На местах для прессы сидел и Федор Достоевский. Он ничего не написал о процессе Засулич – «Дневник писателя» как раз тогда не выходил. Но обстановка процесса явственно напоминает описание суда над Митей Карамазовым: «Все билеты были расхвачены. Для особенно почетных и знатных посетителей из мужчин отведены были даже совсем уж необыкновенные места сзади стола, за которым помещался суд... Некоторые из дам, особенно из приезжих, явились на хорах залы чрезвычайно разряженные, но большинство дам даже о нарядах забыло. На их лицах читалось истерическое, жадное, болезненное почти любопытство».

– Причина, по которой процесс был особенно драматичным, – говорит Ана Силджак, – заключается прежде всего в составе действующих лиц. С одной стороны это Трепов, из которого удалось сделать законченного злодея, каким он на самом деле не был, с другой – юная наивная девушка, которая совершила акт самопожертвования в защиту чести политзаключенного, ставшего жертвой произвола. Это был захватывающий сюжет, а для публики,

Генерал Федор Трепов

сидевшей в зале, – захватывающее зрелище.

Главным режиссером этого спектакля, пишет в своей книге Ана Силджак, был адвокат Веры Петр Александров, человек исключительного ораторского таланта, умевший тонко уловить настроение присутствующей публики:

– Это очень занятный персонаж. Если вы видели его фотографии и читали о том, как он овладевал аудиторией, совместить одно с другим сложно. У него была неприятная внешность. Очень маленького роста, тщедушный, кто-то назвал его «полуобглоданной селедкой». Но когда он начинал говорить, зал слушал его как завороженный. Он сумел убедить публику в истинности своей версии случившегося. Есть свидетельства, что люди в зале плакали во время его заключительной речи, а когда он закончил, стоя аплодировали ему, так что судья даже сделал замечание, напомнив публике, что она не в театре, а в суде.

Я спросил историка:

– Вы пишете, что поначалу Александров попытался создать совершенно другой образ своей подзащитной. При этом он даже провел что-то вроде опроса общественного мнения.

– Перед судом он устроил у себя обед и задал гостям вопрос: какой они представляют себе Веру Засулич? Большинству гостей знало, что она дворянка, и представляло ее молодой дамой высшего общества – элегантной, красивой, утонченной, с прекрасными манерами. Вера не имела ничего общего с этим образом. Но Александров решил превратить ее в ту светскую даму, какую хотела видеть публика. Он даже купил ей красивое платье. Однако от этого замысла пришлось отказаться – Вера не имела ни малейшего намерения играть эту роль, она отказалась изображать светскую даму. И в результате оказалась права. Перед публикой в зале суда предстала очень скромно одетая застенчивая девушка – и именно этот образ оказал решающее воздействие на зрителей.

– А что представлял собой государственный обвинитель Кессель?

– Кессель был относительно неопытным прокурором. Тем не менее он сделал свою работу наилучшим образом. Он сосредоточился на деталях преступления, с тем чтобы доказать, что у Веры было намерение убить Трепова, – например, ее револьвер был большой убийной силы. И он действительно отлично справился с этой задачей. Но штука в том, что речь-то шла о гораздо более масштабных вещах. Поэтому все его усилия пропали втуне, мелкие детали оказались просто не имеющими отношения к главному вопросу.

Невиновна

Что же это был за главный вопрос? Когда председательствующий спросил Засулич, признает ли она себя виновной, она сказала: «Я признаю, что стреляла в генерала Трепова, причем могла ли последовать от этого рана или смерть, для меня было безразлично». Свой поступок объяснила так: «Я по собственному опыту знаю, до какого страшного нервного напряжения доводит долгое одиночное заключение... Я могла живо вообразить, какое адское впечатление должна была произвести экзекуция на всех политических арестантов, не говоря уже о тех, кто сам подвергся сечению, побоям, карцеру, и какую жестокость надо было иметь для того, чтобы заставить их все это вынести по поводу не снятой при вторичной встрече шапки... Мне казалось, что такое дело не может, не должно пройти бесследно. Я ждала, не ответится ли оно хоть чем-нибудь, но все молчало, и в печати не появлялось больше ни слова... Тогда, не видя никаких других средств к этому делу, я решила, хотя бы ценою собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью...»

Адвокат в заключительной речи яркими красками описал несчастную судьбу Засулич, которая провела за тюремной решеткой два года без суда: «Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду. Ей сказали: «Иди», – и даже не прибавили: «И более не согрешай», – потому что прегре-

В этом доме на Гороховой располагалось Отделение по охране общественной безопасности и порядка. Здесь Вера Засулич и выстрелила в градоначальника

шений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена, и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта...»

Александров заключил свое обращение к присяжным заседателям так: «Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва. Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников».

Я говорю Ане Силджак:

– Это поразительно: адвокат Александров внушил русскому обществу чувство вины, превратил суд над Верой Засулич в суд над системой...

– Совершенно верно. Защите удалось показать, что порочен весь политический строй. Процесс продемонстрировал уродливую изнанку тюремной системы, произвол должностных лиц. Российское общество игнорировало эту порочность и злоупотребления властью. И вот появляется молодая женщина и совершает поступок,

направленный против системы, с которой общество мирилось так долго, – и ее теперь за это накажут? Помню, когда я первый раз читала материалы процесса, меня поразило, что многие зрители сознавали эту свою ответственность: мы виновны, думали они, а она – героиня, а не преступница.

Когда присяжные отправились совещаться, в судебном заседании был объявлен перерыв. Журналист Градовский разговаривал с сидевшим рядом писателем Достоевским. Градовский передает слова Достоевского так: «Осудить нельзя, наказание неуместно, излишне; но как бы ей сказать: «Иди, но не поступай так в другой раз». Достоевский почти слово в слово повторил фразу из речи Александра и одновременно — слова Иисуса: «Иди и впредь не грешь». Затем писатель добавил: «Нет у нас, кажется, такой юридической формулы. А теперь, чего доброго, ее возведут в героиню».

Присяжные совещались всего 20 минут. «Они, – пишет в своих мемуарах Кони, – вышли, теснясь, с бледными лицами, не глядя на подсудимую... Настала мертвая тишина... Все притаили дыхание... Старшина дрожащею рукою подал мне лист... Против первого вопроса стояло крупным почерком: «Нет, не виновна!...»

Зал взорвался восторгом. «Вдруг вся зала точно ахнула, все лица просияли, – вспоминает Градовский. – Казалось, будто электрическая искра пробежала по этому сборищу истомленных людей и оживила

всех. Разразился гром рукоплесканий, слышались рыдания, истерические голоса женщин».

Одно из присутствовавших в зале высокопоставленных лиц разделило ликование публики: «Это самый счастливый день русского правосудия!» Но Кони сурово возразил: «Вы ошибаетесь, это самый печальный день его».

От Веры до Зары

Выстрел Засулич положил начало политическому террору не только в России, но и в Европе. За ним последовали покушения на жизнь монархов и различных высших должностных лиц в Германии, Испании, Италии, Франции...

Из беседы с Аной Силджак:

– В главе, где вы цитируете репортажи иностранных корреспондентов, много забавного. Больше всего мне понравилась версия New York Times: будто бы Трепов был любовником Веры, а покушение – попыткой убийства из ревности.

– В позапрошлом веке при освещении заграничных событий допускались вольности. Журналисты порой далеко уходили от реальных событий, пересказывали в своих корреспонденциях всевозможные слухи и сведения из анонимных источников. Но что меня больше всего поразило при чтении репортажей в западной прессе, это насколько большое значение придавалось процессу Засулич. О нем писали крупнейшие газеты по обе стороны Атлантики.

– И возникло нечто вроде эффекта домино – теракты в разных странах Европы. Это были подражания?

– Не думаю. Дело, скорее, в другом. После нескольких политических покушений стало ясно, что это очень хороший способ привлечь внимание к себе, громко заявить о своих целях.

За десятилетия советской власти дело Засулич обросло самыми фантастическими комментариями и подробностями. Оставалось совершенно непонятно, почему царский режим не упек за решетку не только саму революционерку (она, положим, успела скрыться), но и революционер-адвокатов, революционеров-судей, революционеров-присяжных, а заодно и революционную публику, которая на руках вынесла оправданную из зала суда. В новой демократической России публицисты-государственники, безбожно перевирая обстоятельства, предложили ровно противоположную оценку: отсюда, мол, все зло и скверна, именно этот суд развязал руки террористам. И вспоминали Засулич в связи с драконовскими приговорами чеченкам Зареме Мужахоевой и Заре Муртазалиевой. Процесс Засулич дает аргументы и против суда присяжных, чересчур, дескать, либерального и управляемого. (Идея не новая. «Кони, подобрав присяжных, оправдал Засулич», – писал реакционный публицист Катков.) Так в чем же значение дела Засулич? Какой урок мы можем извлечь из него сегодня? Ана Силджак считает, что это прежде всего понимание психологии, строя мыслей террориста.

– Часто говорят о ненависти террористов. Без сомнения, гнев и ненависть – важнейшие компоненты сознания террориста. Но это только половина сути. Я думаю, что вплоть до сегодняшнего дня движущая сила терроризма – это видение мирового порядка, альтернативного нынешнему, порочному. Они страстно верят в возможность создания утопического мира, где люди будут жить в мире, гармонии и справедливости. Террористы XIX века считали, что этот идеал стоит жертв. И готовы были сами приносить себя в жертву. Эта цена была приемлемой для них. Именно так считала Вера и ее товарищи. Она видела в акте террора благородный поступок, совершенный не из ненависти, гнева или мести, а ради высокой цели. Они убивали и умирали ради прекрасного будущего. Я не идеализирую террористов. Я думаю, что нам необходимо понимать их ментальность и мотивы. Здесь у террористов XIX века много сходства с нынешними. В чем они не похожи, так это в масштабах. Террор позапрошлого века не имеет ничего общего с современными терактами, когда гибнут сотни и даже тысячи ни в чем не повинных людей.

РУССКАЯ ЖАННА Д'АРК

Одни называли её спасительницей Отечества, другие – врагом народа. Ей выказывали своё уважение Корнилов и Колчак, Ленин и Троцкий, Вудро Вильсон и Уинстон Черчилль. Личность и судьба Марии Бочкарёвой и сегодня во многом остаются загадкой.

В июле 1889 года в семье новгородских крестьян Фролковых родилась третья дочь, её назвали Машей. Фролковы не могли прокормиться на маленькой полоске земли и едва сводили концы с концами. Отец Марии пил горькую и нещадно бил жену.

В это время правительство бесплатно раздавало крестьянам землю в Сибири. Отец решил попытать счастья на новом месте. Землю, действительно, получили, но поднять целину на таёжном участке не смогли. Семья осела в Томской губернии и жила в бедности. С восьми лет Маша уже служила «в людях» – нянчила чужое дитя, работала в бакалейной лавке, жила в прислугах в семье военного. «Маленькая мужичка» – называли её хозяева. В пятнадцать с половиной лет Маша стала любовницей офицера, он обещал на ней жениться, но связать свою жизнь с «мужичкой» не смог. Или не захотел. Отец Марии, когда узнал об этом, чуть не убил дочь. Он пил всё больше, становился всё более жестоким. Замужество было единственным средством спасения, и Мария готова была пойти хоть за чёрта. И он явился.

Афанасий Бочкарёв был старше Марии на семь лет, груб и неразвит, только что вернувшись с русско-японской войны. Вскоре после свадьбы Мария узнала, что муж тоже пьёт, притом срысывается в запой.

Бочкарёвы разгружали баржи на Оби, потом устроились укладчиками асфальта. Мария очень быстро вникла в тонкости дела, её назначили помощником десятника. Уже тогда проявились её организаторские способности. А муж так и оставался простым чернорабочим. Он зверски избивал жену и пропивал все деньги.

Мария решила бежать к сестре в Барнаул. Без документов это было невозможно. В то время женщина могла получить паспорт только с разрешения мужа. Мария взяла паспорт матери, но на пристани была остановлена жандармским офицером. Он сразу понял, что девушка едет по чужому паспорту. Жандарм угрожал, что засадит её в тюрьму, переспал с ней и только потом отпустил. Через некоторое время муж разыскал Марию, воротил домой, и её мучения возобновились. Она и топила, и пыталась зарубить ненавистного мужа топором, только чудом осталась жива и не сделалась убийцей... От природы или от беспросветной жизни с ней случались истерики, приступы ярости, несколько раз она пыталась отравиться. Второй побег от мужа оказался удачнее, Мария оказалась в Иркутске и там нанялась на знакомую работу – мостить дороги бетоном и асфальтом. Скоро под её началом трудилось двадцать пять человек. Но и сама она не отсиживалась в конторе, работала вместе с подчинёнными в удушающем дыму и пекле. Её свалила сильная простуда, несколько месяцев Бочкарёва лечилась в больнице. После излечения осталась без денег и работы. В конторе по найму её предложили место прислуги в городе Сретенске. Приехав в указанный дом, Мария поняла, что её обманым путём завлекли в бордель. Денег на дорогу не было, да и куда ещё бежать? Она снова пыталась отравиться, но её спас молодой симпатичный клиент, сын местного торговца мясом Яков Бук. Он забрал Марию из борделя, и они стали жить гражданским браком.

Обоим было едва за двадцать, но оба уже, что называется, повидали жизнь. У Яши была страсть – карты. Однажды, чтобы расплатиться с долгами, он даже вступил в банду хунхузов (китайских разбойников), участвовал в налёте на поезд, был арестован и чудом избежал тюрьмы. Мало того, он ещё и с революционерами знался, укрывал нелегалов и беглых. Окончилось тем, что Якова арестовали за

укрывательство беглого преступника и отправили в якутскую ссылку. Мария последовала за ним. Поскольку она не была ему законной женой, да и денег у неё почти не было, то и ехала она на правах арестантки, ночевала вместе с преступницами, выманивала у начальства редкие свидания с Яшей. Все начальники – от надзирателя до губернатора – издевались над ней, требовали услуг известного рода...

В посёлке Амга, где чувствовалось дыхание Ледовитого океана и почти не сходил снег, многие ссыльные жили с якутками. Мария оказалась единственной русской женщиной. Она сумела создать в посёлке элементарные бытовые условия – баню, стирку белья, приготовление нормальной пищи. Вместе с Яшей

завела мелкую торговлю. Но тут Яков опять начал играть. Карты были излюбленным развлечением богатых якутов и золотоискателей. А где карты, там и долги, обман, воровство. Иногда Бук уезжал в отдалённые посёлки и пропадал по нескольку дней. Если проигрывался, то возвращался раздражённым, находил поводы для ревности, устраивал скандалы. Наконец и Яков начал избивать Марию, притом с диким ожесточением. Врач советовал положить его в больницу и предупредил Марию, что жить с Буком небезопасно.

Мария уже не раз задумывалась, за что ей такие мучения? Если уж страдать, то хоть бы за дело; если уж суждено пропасть, то хоть бы не зря!.. Шёл 1914-й год.

«Наша Яшка»

Вести о начавшейся войне с Германией и Австро-Венгрией, о первых победах и последовавших поражениях докатились и до Колымы. Впоследствии Бочкарёва вспоминала, что у неё сразу возник план: идти на войну, отличиться в боях и просить затем о помиловании Якова. Так или иначе, Мария Бочкарёва тайком ушла через тундру и тайгу, добралась до Томска. Там она явилась в штаб 25-го резервного батальона с просьбой принять её на военную службу. Её подняли на смех, однако она пробилась к командиру батальона. Тот посоветовал ей записаться в Красный Крест или другую вспомогательную службу. Бочкарёва уже наслушалась сплетен о якобы недостойном поведении женщин в тыловых службах, поэтому настаивала на своём. Тогда командир, то ли в шутку, то ли всерьёз, предложил послать телеграмму царю – выше обращаться некуда. Только царь может отменить свой закон, а заодно и закон природы. Телеграмма обошлась Марии в целых восемь рублей, да и те ей пришлось занять. Ответ пришёл на удивление быстро: император разрешил зачислить Бочкарёву в строй как солдата. «Это был самый счастливый момент в моей жизни», – вспоминала она.

Рядовому Марии Бочкарёвой выдали две пары нижнего белья, разумеется, мужского, две пары обмоток, пару сапог, пару штанов, гимнастёрку, ремень, папаху (по осенне-зимнему времени), шайку, винтовку и два подсумка для патронов. Потом ей остригли волосы под машинку. Так Маруся стала солдатом Российской империи. В казарме о ней уже слышали, окружили, разглядывали. Не верили: «Да никакая это не баба, а натуральный мужик!» Кто-то попытался даже ощупать.

Всю первую ночь Бочкарёва не сомкнула глаз, отбиваясь от поползновений сослуживцев. Рука у нее была тяжёлая. Но постепенно отношения наладились. Бочкарёва не жаловалась начальству, на учениях была в числе первых. Её начали уважать, а позднее и гордиться ею – ну в какой ещё роте есть такой солдат! Поскольку солдаты часто звали друг друга не по именам, а по кличкам, Бочкарёва сама предложила: «Знаете что, зовите меня Яшкой!» Это в память о Якове Буке, хотя вспоминала она его все реже.

Бывали и забавные происшествия. Например, когда Бочкарёва в солдатской форме явилась в женскую баню – вот визг-то было! А перед отправкой на фронт солдаты решили сходить в самоволку в бордель. «И я с вами!» – вызвалась Бочкарёва. В публичном доме Мария «сняла» самую красивую девчонку и под хохот сослуживцев повела её «в номера». Но тут появился офицер и веселье пришел конец. Но в казарме ещё долго потешались: «Ну как, Яшка, понравилось?», «Наша Яшка – мужик что надо!»

В феврале 1915 года поступил приказ отправляться на фронт. Отслужили молебен и начали грузиться в теплушки. Офицеры предложили Бочкарёвой ехать в пассажирском вагоне со штабными, но Мария отказалась. Две недели добирались до Полоцка. Затем маршем до линии фронта. Через три дня новобранцы были на передовой.

Первая атака была похожа на большинство последующих. Под артобстрелом и шквальным огнём немецких пулемётов рота пошла вперёд. До проволочных заграждений дошли семьдесят солдат из двухсот пятидесяти. Но русская артиллерия не сумела разбить заграждения. Начали отходить, до окопов дошли около пятидесяти солдат. Немного передохнув, Бочкарёва поползла на поле боя, до рассвета волоком таскала раненых в траншею. Впоследствии около пятидесяти раненых на сборном пункте рассказали, что их спасла Яшка. Бочкарёву представили к первой награде – Георгиевскому кресту IV степени.

Уже во второй атаке Бочкарёва была ранена в ногу. Всю весну лечилась в госпитале в Киеве. И снова на фронт. Хотя наступило лето, но полк стоял в болотистых местах, вода наполняла окопы. Еду на позиции доставляли уже холодной, солдаты недоедали. Особенно донимали вши. Несмотря на затишье, солдаты так выматывались, что их

то и дело отводили в тыл на отдых, присылая свежие части на замену.

Только на отдыхе можно было сменить бельё, постирать одежду, сходить в баню. Наконец и Бочкарёва решилась, пошла в баню с мужиками. Заняла дальний угол, повернувшись ко всем спиной, и пригрозила: «Не лезь, ошпарю!» Солдаты только зубоскалили, но вскоре привыкли и в баню ходить с Яшкой.

Наступала зима. Бочкарёва добровольцем ходила в разведку. В одной из ночных стычек впервые «взяла на штык» германца. Штык застрял у него в животе, а немцы напирали. Бочкарёва бросила в них гранату и побежала к своим. До окопа добрались живыми десять из тридцати разведчиков.

Зима выдалась суровая, жить в окопах становилось невыносимо. Люди отмораживали руки и ноги, засыпали под снегом и уже не просыпались. Особенно тяжело бывало в дозоре, в аванпостах, где нельзя пошевелиться или позвать на помощь. Бочкарёва тоже отморозила ногу, её отправили в госпиталь, дело шло к ампутации, но, к счастью, обошлось.

И опять окопы, стужа, постоянное напряжение. И мучительное бездействие. В весеннем наступлении 1916 года полк с огромными потерями прорвал германский фронт, но... получил приказ генерала отступить на исходные позиции.

Тем не менее Бочкарёва была убеждена: нужно наступать, разбить германца, и тогда наступит мир. Так думали почти все в окопах и многие в тылу. Мало кто знал, что сил для наступления всем фронтом нет, что Россия воюет на деньги союзников. Что бессмысленные зачастую наступления заказаны Антантой для спасения положения на Западном фронте. Всё это оплачивалось жизнями сотен тысяч русских солдат.

Бочкарёва ещё несколько раз была ранена. Последнее ранение было особенно опасным – осколок снаряда засел в нижней части позвоночника. Мария долго была обездвижена, заново училась ходить. Когда она возвращалась на фронт зимой 1916 года, на железной дороге уже царил хаос. Солдаты в окопах утратили доверие к командованию, считали, что их просто ведут на убой. В начале 1917 года уже распространились слухи о Распутине, его влиянии на царскую семью в интересах Германии. Кроме того, на смену погибшим кадровым военным приходили молодые, мобилизованные специалисты мирных профессий – инженеры, врачи, учителя. Они в принципе не могли бить солдат, отдавать под трибунал тех, с кем воевали бок о бок. Взаимоотношения с солдатами стали демократичнее, но и дисциплина слабела.

Бочкарёва воевала героически, ходила в атаки, участвовала в ночных вылазках, захватывала пленных и сама побывала в плену, правда, всего несколько часов – свои отбили. Её наградили Георгиевскими крестами всех четырёх степеней и медалями, произвели в унтер-офицеры.

Комбат

Февральскую революцию на фронте встретили восторженно. Рядовые были уравнены в правах с офицерами, созданы солдатские комитеты. Войска присягнули Временному правительству, но война продолжалась, теперь уже под флагом защиты обретенной свободы.

Ликовала и Бочкарёва. Но дисциплина расшатывалась, солдаты не исполняли приказы, дезертирство приобретало массовый характер. Солдаты то жаждали решающего сражения, то готовы были воткнуть штыки в землю. Вскоре начались братания с немцами.

Однажды унтер-офицер Бочкарёва выступила на митинге с позиции «воины до победного конца», её чуть не прибили. В тот день она решила, что её война окончена.

Но вот на фронт приехал председатель Временного комитета Государственной думы Михаил Родзянко. Ему представили Бочкарёву. Она пожаловалась на новые порядки, а вернее – на полное отсутствие порядка, и сказала, что собирается домой. «А не хотите ли заехать ко мне в Петроград, мой геройчик?» – предложил Родзянко. Бочкарёва согласилась.

В мае 1917 года состоялась эта встреча, многое предreshившая в судьбе Бочкарёвой. Она рассказала о настроениях в окопах, Родзянко – о положении в столице. Бочкарёва впервые узнала о большевиках, услышала имена Ленина и Троцкого. Тогда и родилась идея создания женского Батальона смерти. Слово «смерть» в названии батальона озна-

Июнь 1917 года, Красная площадь. Женский батальон перед отправкой на Первую мировую. Внизу: председатель Временного комитета Государственной думы Владимир Родзянко с генералом Алексеем Калединым в апреле 1917 года.

чало смерти, готовых пожертвовать собой. Родзянко считал, что пример женщин воодушевит солдат и устыдит трусов. Бочкарёва выдвинула твёрдые условия: чтобы в батальоне не было никаких комитетов и чтобы он управлялся по армейским законам. Идею одобрили главнокомандующий Брусилов, а затем военный и морской министр Керенский. На благотворительном вечере в пользу инвалидов войны в Мариинском театре Бочкарёва выступила с проникновенной речью. В тот же вечер в театре началась запись женщин в батальон. Затем Бочкарёвой выделили комплекс зданий Коломенского института, прикомандировали к ней офицеров-инструкторов. Благодаря публикациям в газетах, уже в первые дни в батальон записались около двух тысяч девушек и молодых женщин. Среди них были крестьянки, прислуга, медсёстры, курсистки и дворянки, некоторые из очень известных фамилий. Бочкарёва предупредила их о строгих прави-

лах будущей службы, все подписали особое обязательство «повиноваться любому приказу Бочкарёвой». Женщинам остригли волосы, они получили обмундирование, и началась обучение военному делу. Начальница безжалостно отчисляла женщин, замеченных в кокетстве с инструкторами и вообще легкомысленном поведении. Бочкарёва была неграмотной, ей понадобились верные помощники. В адъютанты она выбрала девицу Скрыдлову – дочь адмирала Черноморского флота. Другой её помощницей стала княжна Татиева из знатного грузинского рода.

Но и за стены «бочкарёвского монастыря» проникала революционная и антивоенная пропаганда. Вскоре в батальоне назрел раскол: большая часть женщин требовали соблюдения своих прав, в частности увольнений в город, возможности навестить свои семьи. «Бунтовщицы» избрали комитет. Бочкарёва приказала им сдать обмундирова-

ние и покинуть казармы. Те не подчинились и ушли в военной форме, правда, без оружия. Бочкарёва осталась с тремя сотнями женщин, которые подтвердили свою решимость служить на прежних условиях.

Батальон Бочкарёвой, хотя и поредевший, пользовался огромной популярностью и поддержкой женских организаций и союзов. В то время в Петрограде находилась лидер британских суфражисток Эммелин Панкхёрст, представлявшая самое радикальное крыло женского движения за эмансипацию. Воинственные суфражистки как-то даже избили Уинстона Черчилля, противника предоставления женщинам избирательных прав. Госпожа Панкхёрст часто посещала батальон, пригласила Бочкарёву на приём, где присутствовали Керенский и представители союзных держав.

На этом приёме Керенский предложил Бочкарёвой вывести женский батальон на демонстрацию в поддержку Временного правительства – в противовес известной июньской демонстрации, организованной коалицией революционных партий. Так Бочкарёва была втянута в активную политическую борьбу. Женский батальон шёл под знамёнами и транспарантами, на которых были написаны лозунги: «Да здравствует Временное правительство!», «Все, кто может, в наступление!», «Вперёд, храбрые женщины!», «На защиту истекающего кровью Отечества!». Демонстрации были заявлены организаторами как мирные, но женщинам почему-то выдали револьверы. Вслед за женщинами шли инвалиды войны – формировался и отряд калек для воодушевления солдат-окопников. На Марсовом поле неравные силы сошлись. Сначала возникла перепалка, затем потасовка, а потом и перестрелка. Сама Бочкарёва получила сильный удар по голове и оказалась в больнице.

Но вообще с Керенским у Бочкарёвой отношения не сложились. Он требовал разрешить в батальоне солдатские комитеты, как повсюду в армии, а Бочкарёва отказывалась наотрез, оба доходили до истерики. «Расстреляю!» – кричал Керенский. «Вы сами отменили смертную казнь в армии», – вежливо напоминали ему. Зато очень нравился Бочкарёвой генерал Корнилов, готовый восстановить порядок в армии железной рукой. Бочкарёва была командиром такой же складки. Генерал Половцев, военный комендант Петрограда, отмечая достоинства батальона, указывал и на существенные недостатки: «Бочкарёва слишком груба и бьёт морды, как заправский вахмистр старого режима. Слухи об её зверствах доходят даже до Керенского... Стараюсь её немного укоротить, но она свирепа и, выразительно помахивая кулаком, говорит, что недовольные пускай убираются вон, что она желает иметь дисциплинированную часть».

Наконец батальон получил приказ отправиться на фронт. В Исаакиевском соборе, в присутствии Керенского, Родзянко и высших военачальников, было освящено знамя батальона. В нарушение всех традиций на знамени было вышито имя командира. Бочкарёвой вручили погоны прапорщика и именное оружие – саблю и револьвер с золотыми планками на рукоятках. Это был день триумфа Марии Бочкарёвой и женского Батальона смерти.

По примеру бочкарёвского подразделения начали формироваться женские батальоны в Петрограде, в Москве и на Кубани, а также команды связи и вспомогательные отряды во многих других городах. В начале августа в Петрограде состоялся Всероссийский женский военный съезд. Но в эти же дни генерал Корнилов, ставший Верховным главнокомандующим, распорядился прекратить формирование женских воинских подразделений, а уже созданные использовать для охраны дорог. К тому времени уже стало известно, что реальный боевой опыт батальона Бочкарёвой далеко не соответствовал первоначальному пропагандистскому замыслу.

Последняя опора Временного

Женский Батальон смерти оказался в тех же местах, где ещё недавно сражалась Бочкарёва-Яшка. Здесь многое переменялось к худшему. Сразу после Февральской революции солдатские комитеты ещё не вмешивались в вопросы сугубо военного руководства. А теперь главные вопросы – наступать или нет – решались не в штабах, а на митингах. Двоевластие парализовало армию. Прифронтовые города кишели дезертирами. Женщинам порой приходилось держать настоящую оборону от всякого сброда.

Вдобавок Бочкарёва с необъяснимым упрямством втягивалась в споры и гнула своё: сначала победа, остальное приложится. С ней редко соглашались, чаще ей приходилось спасаться бегством.

Но вот, наконец, батальон на передовой, назначен день наступления. Как его представляла себе Бочкарёва? «Мне было тогда некое видение: в несокрушимом порыве миллионы русских солдат поднимаются из окопов вслед за мной и тремьями девушками...»

Артподготовка окончилась, но фланги справа и слева от Батальона смерти пустовали. Полк митинговал, решая, наступать или нет. Наконец, к Бочкарёвой присоединились семьдесят пять офицеров и около трёхсот солдат. Решили наступать, надеясь всё-таки на поддержку. И действительно, из окопов начали вылезать однополчане. К передовому отряду присоединился полк, а затем и весь корпус. Первая линия германских укреплений была взята, затем и вторая. Тут солдаты обнаружили запасы водки и пива и набросились на спиртное, многие перепились. Немцы пошли в контратаку, но их встретили штыками и на плечах отступающего противника заняли третью линию траншей. Поступил приказ: преследовать немцев и не давать им окопаться. Обещали, что на помощь скоро подойдёт резервный корпус.

Батальон Бочкарёвой оказался на опушке леса, в глубине которого засел противник и вёл оттуда прицельный огонь. Многие солдаты отступили. Кончались боеприпасы, возникла реальная угроза попасть в окружение. А подкрепления всё не было. Бочкарёва сосредоточила батальон небольшими группами. Переходя от одной группы к другой, она вдруг увидела, как одна из её девушек занимается любовью с солдатом. Бочкарёва была так взбешена этой сценой, что тут же проткнула девушку штыком, солдата достать не успела – он убежал.

Надежд на подкрепление уже не оставалось. Немцы начали обходить батальон с флангов. Бочкарёва приказала отступать. Под плотным огнём бросились бежать. Бочкарёва была тяжело контужена, её принесли в окоп на руках. Она не видела полного провала наступления, не узнала, как немцы без труда заняли оставленные позиции. Тяжёлые потери, в том числе и в женском Батальоне смерти, оказались напрасными...

После лечения в госпитале Бочкарёва вернулась на фронт уже в чине поручика. И опять совершила безрассудный поступок. Группа немцев без оружия шла к русским в гости, как было давно заведено с обеих сторон. Бочкарёва выстрелила из винтовки и ранила одного из них. Разъярённые однополчане жестоко избили её. Бочкарёва поехала в Петроград, просить перевода на другой участок фронта, где идут боевые действия. Такого участка не нашлось. В столице Бочкарёва увидела полную беспомощность власти.

Во время отсутствия Бочкарёвой командиром батальона была назначена её адъютант Скрыдлова, что вызвало недовольство женщин. По этому поводу в штаб корпуса поступило донесение: «Волнения в женском отряде смерти дурно влияют на войсковые части дивизии. Вместо того чтобы являть собой образец сплочённости, единения и безропотного повиновения поставленному над ними начальнику, отряд сам нуждается в водворении в нём порядка». Батальону грозило переформирование. К счастью, Бочкарёва отсутствовала недолго. Вернулась – и опять за своё: все мирились и братались, и только Бочкарёва выставляла дозоры, прочёсывала ничейную полосу ружейным и пулемётным огнём.

Как раз в это время к власти пришли большевики. Вместе с юнкерами женщины были последней защитой Временного правительства. Маяковский в поэме «Хорошо!» писал: «Куда / против нас / бочкарёвским дурам?! / Приказывали б / на штурм». И далее: «Первым / боязнь одолён / снялся / бабий батальон». Поэт неточен: Зимний дворец защищал другой батальон. В него вошли женщины, «забракованные» в своё время Бочкарёвой за недостойное, как она считала, поведение.

Большевики обещали долгожданный и немедленный мир. Его особенно ждали в окопах. А тут – стрельба. Кто стрелял? «Бочкарёвские дуры»! Против них двинулся чуть ли не весь полк, едва не вспыхнула гражданская война на отдельно взятом участке фронта. Бочкарёва спешно увела женщин в лес и там распустила батальон «имени себя».

Бойцы батальона на фронте, 8 ноября 1917 года

Генерал Лавр Корнилов в Москве в сентябре 1917 года.
Справа: Александр Колчак (в первом ряду второй слева) с другими руководителями белогвардейских войск Сибири, июнь 1919 года

Скитания

Бочкарёва была слишком известной личностью, чтобы остаться незамеченной в Петрограде. К тому же у неё была репутация «корниловки», сложившаяся ещё при временном правительстве. Бочкарёву задержали, разоружили и доставили в Смольный. Там состоялась её встреча с Лениным и Троцким. Ленин принёс ей извинения за арест. Оба лидера уважительно говорили о военной службе Бочкарёвой. Затем они объяснили цели и задачи большевиков и предложили сотрудничество с новой властью. Бочкарёва отказалась. Она сказала, что нельзя распускать войска, куда не заключен мир. «Я солдат и хорошо знаю, что такое война. А вот вы не знаете...» – заявила она. Дискуссия о войне и мире зашла в тупик. Бочкарёва ушла, даже не простившись. Ей выдали паспорт и даже билет на поезд до Томска.

Дома Бочкарёва гостила недолго. Её вызвал телеграммой в Петроград генерал Аносов, бывший председатель Георгиевского комитета, причастный к созданию женского Батальона смерти. От имени большой группы офицеров он просил Бочкарёву пробраться на юг к генералу Корнилову, установить с ним связь, выяснить его возможности и планы. «Воевать против своего народа я не буду», – заявила Бочкарёва. Но выполнить секретную миссию согласилась. Одевшись сестрой милосердия, она поехала в Кисловодск. Как прикрытия она везла с собой письмо от бывшей сослуживицы, княжны Тутаевой, с приглашением отдохнуть и подлечиться на Кавказе. Бочкарёва видела жестокие расправы над офицерами, пробиравшимися к Корнилову, сама рисковала оказаться на их месте. Но сумела не только пробраться в ставку в Новочеркасск, но и сообщить важные сведения о готовящемся наступлении красных. Корнилов предложил ей

остаться в его частях, но Бочкарёва отказалась воевать с оружием в руках. Тогда Корнилов поручил ей ехать в США, просить помощи в войне против власти большевиков. Бочкарёва согласилась. Вся её дальнейшая деятельность была то скрытой, то явной борьбой с новой властью.

На обратном пути Бочкарёва была схвачена как шпионка, чудом избежала немедленной казни, была переправлена в Москву. Везде она твердила одно: я, мол, неграмотная крестьянка, солдат германской войны, вся израненная, еду домой на излечение. В Москве её освободили благодаря заступничеству одного из большевистских руководителей – бывшего фронтового товарища.

Через всю Россию Бочкарёва отправилась во Владивосток, там с величайшими трудностями и риском для жизни пробралась на американское судно и в мае 1918 года сошла на берег в США. Её военная форма и выправка, грудь в орденах – всё привлекало внимание. Эмиссара белой армии принимали на самом высоком уровне – министр обороны, госсекретарь, наконец, и президент Вудро Вильсон. Во время этой встречи, как свидетельствует протокольная запись, Бочкарёва «опустилась на колени и, протянув руки к президенту, стала умолять о помощи, продолжении, высылке войск союзников против большевиков. Сидевший с мокрыми от слёз щеками президент заверил её в этом».

Из США Бочкарёва отправилась в Англию. В Лондоне её принял тогдашний военный министр Уинстон Черчилль, а затем удостоил аудиенции король Георг V. Бочкарёва просила у англичан военной помощи.

В августе того же года Бочкарёва вернулась в Россию, в Архангельск, на борту американского транспортного судна с оружием и боеприпасами. Север России был под властью Временного правительства. Там стоял и англо-американский экспедиционный корпус Антанты, готовый выступить против Советов. Командование белыми войсками Севера предложило Бочкарёвой организовать мужской добровольческий отряд, Бочкарёва отказалась. Она хотела создать новый женский батальон, даже ездила по деревням, агитируя крестьянок. Встречали хмуро и грозили, «что если она появится вторично, то её убьют». Бочкарёва считала, что местное правительство её предало, и ездила искать помощи в штаб союзников.

Иностранные офицеры запомнили эту странную женщину в военной форме, «с поседевшими волосами, выглядевшую старше своего возраста», которая много курила и пила, демонстрируя всем шрамы от ранений. В общем, и белое командование, и союзники не знали, как от неё отделаться. До отправки домой ей выплачивали по 750 рублей в месяц.

В июле 1919 года из Архангельска отправлялся караван судов с оружием и боеприпасами для адмирала Колчака. Бочкарёвой был предоставлен бесплатный проезд до Оби. Так Бочкарёва оказалась в родном Томске. Но жить там было не на что, и она поехала к Колчаку – просить отставку и пенсию. Адмирал произвёл на Бочкарёву сильное впечатление, она поверила в силы Колчака, как в своё время верила только Корнилову. В считанные дни она сформировала женский добровольческий отряд имени поручика Бочкарёвой – не боевое, вспомогательное, но все же воинское подразделение. Однако уже через месяц Колчак отступил на восток. Бочкарёва за ним не последовала, а вернулась в Томск.

Она решила примириться с советской властью. Явилась в комендатуру, сдала револьвер и выразила готовность служить народу. Полтора года назад ей предлагал службу сам Ленин, а теперь... Комендант отказался от услуг Бочкарёвой, взял с неё подписку о невыезде и отпустил домой.

7 января 1920 года Мария Бочкарёва была арестована. Сначала её обвиняли в основном как колчаковского офицера. Другие эпизоды Бочкарёва на допросах старательно обходила. Говорила, что в Америку ездила лечиться, что в Архангельске жила на пенсию. Службу у Колчака не отрицала, но утверждала, что занималась «санитарным делом» и быстро разочаровалась в «правителе Сибири». Но затем она начала «вспоминать» всё больше и больше. Некоторые исследователи полагают, что к Бочкарёвой были применены особые методы. Вряд ли это потребовалось – Бочкарёва была так несдержанна и тщеславна! В частности, приехав из Архангельска в Томск, она дала интервью местной газете, в котором рассказала о секретной поездке к Корнилову, о своей зарубежной миссии. Одного этого материала было достаточно, чтобы «раскрутить» подследственную. А были и другие свидетельства. В мае 1920 года Мария Бочкарёва как «непримиримый и злейший враг рабоче-крестьянской Республики» была приговорена к расстрелу.

Однако абсолютной уверенности в том, что приговор был приведён в исполнение, сегодня нет. Существует версия, что Бочкарёва осталась жива и обрела семью. Хочется верить в счастливый исход, но достоверных фактов в научной печати пока не появилось. Если эта версия подтвердится, читатели «Совершенно секретно» обязательно узнают об этом.

Как известно, любое сравнение хромеет, но Марию Бочкарёву и Жанну д'Арк роднят по крайней мере две существенные черты: горячий патриотизм и то, что обе не скрывали своего пола.

А между тем очень много русских женщин воевали в Первой мировой войне в мужском обличье, подобно «кавалерист-девице» Надежде Дуровой. Что привело их на фронт? Как сложились их боевые судьбы? И на чьей стороне оказались они в годы революции и гражданской войны?

Рассказ о них впереди.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Бедная Инеза!
Ее уж нет! как я любил ее!

А.С.Пушкин. «Каменный гость»

«Сильна, как смерть, любовь», — сказано в библейской книге «Песнь Песней». С тех пор поэты часто утверждали в стихах эту парадоксальную мысль: любовь — причина бытия — всеильна, как смерть, разрушительница жизни.

В наше время, глухое к поэзии, особенно к любовной лирике, такое сближение бесконечно далеких понятий может показаться поэтическим бредом. Но, представьте себе, в прежние времена от любви, случалось, умирали. Еще чаще гибли во имя любви. Многим безнадежная любовь наносила, казалось, смертельный удар, но почему-то все же сохраняла жизнь. Великий португальский поэт Камознс писал не ради красного словца:

И пред разверстою могилой
Шепну я имя донны милой.

Поэт был безнадежно влюблен в инфанту, сводную сестру короля. За это Камознса отправили в ссылку, затем — на военную службу в Африку. Там в стычке с маврами он потерял глаз, едва не погиб. И позднее, скитаясь по морям и дальним странам, он часто стоял над краем бездны, а сердцем устремлялся к «королевской орлице».

Поэт хорошо знал другую историю, случившуюся примерно за двести лет до того, в XIV веке, — трагедию воистину смертельной любви. В эпической поэме «Лузиады» Камознс посвятил этим событиям несколько строф.

Лишь ты, любовь, таинственная сила,
Играющая слабыми сердцами,
Несчастную красу свела в могилу
И жизнь ее наполнила слезами...

Коронованная Смертью

Король Португалии Афонсу IV возвращался из похода:

Разбив врагов, Афонсу величавый
С победою в отчизну возвратился,
Где, пожиная почести и славу,
Он миром и покоем наслаждался.

Его не зря прозвали Афонсу Храбрым — он отважно сражался против мавров, усмирял мятежных феодалов. Но в собственной семье не было мира. Много беспокойства причинял родной сын — инфант Дон Педру. Он порой совершал поступки безрассудные и непростительные для наследника трона, государственного мужа.

Король знал, что инфант равнодушен к своей жене Констансе, дочери короля Кастилии — самого сильного государства на территории нынешней Испании. Это еще полбеды: в конце концов, холодность между супругами не помешала им произвести на свет троих детей. Но вот в свите инфанты Констансы появилась новая фрейлина, Инес де Кастро, знатная кастильская дама, тоже королевских кровей. В Лиссабоне ее стали звать на португальский манер Иниш ди Каштру. Красотою и статностью Инес превосходила не только свою госпожу, но и всех придворных дам. Неудивительно, что Дон Педру увлекся ею.

Обычное дело при дворе: инфант завел фаворитку. Однако Педру влюбился по-настоящему! И когда у любовников появились дети, король встревожился не на шутку. В Португалии не раз бывало, что незаконнорожденные сыновья оспаривали трон у законных наследников. Сам Афонсу в молодости тоже воевал с побочным братом за отцовский престол.

Внезапно скончалась инфанта Констанса, что еще больше запутало дело. Афонсу IV быстро сосватал за овдовевшего сына другую кастильскую принцессу. Но сын наотрез отказался жениться. Напрасно отец спраши-

КОРОЛЕВЕ

Любовь и смерть Инес де Кастро: правда и вымысел

Согласно легенде, во время коронации Инес де Кастро вельможи целовали иссохшую руку мертвой королевы

вал его о причинах отказа, Дон Педру упорно молчал. Впрочем, отец догадывался, что у него на уме.

Тогда король приказал удалить Инес де Кастро от двора. Ее с детьми отправили в Коимбру, старую столицу Португалии.

Там кроткая Инеш в полях блуждала, Близ вод Мондегу думам предаваясь, И своего кумира вспоминала, В несбыточных мечтаниях забываясь.

Дон Педру, казалось, смирился с решением отца. А на самом деле не забыл свою возлюбленную и приезжал в Коимбру при всякой возможности. Наконец при дворе поползли слухи о намерении Дона Педру жениться на Инес де Кастро. Король был в ярости. Безумцы! Они, должно быть, сами не понимали, к каким последствиям для Португалии приведет этот незаконный союз!

И грянул час безжалостной расправы, В гробах усопших сонм зашевелился, Узнав о даме, что всю жизнь страдала, А после смерти королевой стала.

В 1355 году, выбрав момент, когда инфант уехал на охоту, король с ближайшими советниками помчался в Коимбру. Там он повелел привести к нему Инес де Кастро с детьми.

Когда Инеш несчастную втащили В покои короля, такую жалость

Ему рыдания женщины внушили, Что сердце короля от горя сжалось...

Инес заклинала короля всеми святыми, чтобы он пощадил если не ее, то хотя бы детей, своих внуков. Афонсу задумался, затем распорядился передать детей нянькам, а Инес отослал в ее покои. Немного успокоенная женщина ушла. А король тотчас приказал своим приближенным покончить с нею. Обнажив кинжалы, убийцы бросились на Инес де Кастро.

Не ведая в душе своей укора, Красу Инеш несчастной не жалея, Убийцы ей ланиты осквернили И кровью белизну их обагрили.

Когда инфант узнал о злодейском убийстве, горе утраты и жажда возмездия переполнили душу. О примирении с королем не могло быть и речи. Сын поднял мятеж против отца. Два года шла гражданская война. Относительное примирение состоялось только в 1357 году, незадолго до кончины старого короля.

А вскоре Педру править стал самою, И гнев его настиг убийц жестоких, Хотя, грозу почуяв над собою, Они в Кастилье спрятались далекой.

Король Педру I покарал не только убийц Инес де Кастро, но и других преступников, невзирая на сословия, чины и богатство.

Португальцы прозвали его Педру Справедливый.

Король так и остался вдовцом. Вскоре после восшествия на престол он объявил, что был тайно обвенчан с Инес де Кастро, а посему она — королева Португалии, а их дети — законные наследники престола.

Вскоре состоялась самая необычная коронация в истории всех времен и народов. В парадной зале сидела на троне извлеченная из склепа мумия Инес де Кастро в королевских одеждах. На ее голову возложили корону. Король Педру I провозгласил: «Кто присягнул мне, пусть присягнет и своей королеве!» Знатные вельможи, графы и бароны, один за другим преклоняли колена и целовали иссохшую руку мертвой королевы...

Инес де Кастро перезахоронили в монастыре Алкобаса. Для нее был высечен из белого мрамора саркофаг необыкновенной красоты. Король завещал похоронить себя там же, установив саркофаг напротив усыпальницы любимой.

Король Педру I успешно правил Португалией. Его царствование можно было бы назвать счастливым, если бы не постоянная скорбь, терзавшая сердце. Рассказывали, что он часто приходил в монастырь Алкобаса, опускался на колени перед саркофагом Инес де Кастро и подолгу говорил с нею.

Педру I прожил еще лишь десять лет и последовал за своей возлюбленной.

И тут оканчивается поэтическая легенда и начинается историческая проза.

Заговорщица

Достоверные источники представляют эти события в несколько ином свете.

Афонсу Храбрый действительно был выдающимся правителем Португалии. Он защищал свою страну от многих нападений: от нашествия мавров, стремившихся вернуть былые завоевания; от вторжений самого сильного государства на Пиренейском полуострове — Кастилии. Когда-то власть кастильских королей простиралась на королевства Арагон, Леон, Наварра и графство Португальское. Поэтому и двести лет спустя после обретения португальцами независимости, кастильские короли втайне считали Португалию своей провинцией.

Внутри самой Португалии бушевали политические страсти: каждый феодал мнил себя суверенным корольком, безбожно тиранил простой люд, сам творил суд и расправу. Объединяясь, мятежные феодалы представляли серьезную опасность для королевской власти.

Ко всем бедам, именно в период правления Афонсу по стране прощлась со своей косой свирепая чума, не хватало рабочих рук, чтобы обрабатывать землю, строить дома, ковать оружие.

Со всеми этими заботами Афонсу IV худобно справлялся. Но собственная семья — это было особое государство со своими бедами. К тому же семейные дела были тесно связаны с внешней политикой.

На протяжении столетий между представителями иберийских королевств заключались династические браки. Так что король Португалии или Кастилии не мог с уверенностью сказать, кто он по национальности — испанец или португалец. Брачные союзы считались самым действенным инструментом внешней политики. В самом деле, уж лучше воевать на брачном ложе, чем на поле брани. Но горячие иберийские парни не всегда отделяли любовь от политики, браки не только заключались, но и довольно легко расторгались.

Одна из дочерей Афонсу IV, Мария, была замужем за королем Кастилии. Но вот кастильский монарх покинул жену, да еще подверг ее унижительному обращению. Отец-португалец вступился за честь дочери, началась война, прекратившаяся лишь после примирения супругов и заступничества самой Марии.

Сына Педру король женил дважды. В первый раз — на дочери испанского гранда. Но затем этот гранд стал негоден своему королю. Поэтому король Кастилии настоял

на расторжении брака. Второй брак оказался более прочным и продолжительным: в 1339 году португальский инфант Педру женился на Констансе Кастильской. Она-то и включила в свою свиту Инес де Кастро из знатного галисийского дворянского рода.

По внебрачной линии Инес происходила от одного из кастильских королей; ее семья состояла в родстве со многими могущественными кланами. Именно «опасные связи», тянувшиеся за фрейлиной, больше всего беспокоили короля Афонсу IV. В частности, Инес состояла в родстве с Афонсу Саншешем, незаконнорожденным братом португальского короля. Этот Саншеш чуть не захватил португальский трон. Четыре года законный наследник воевал с незаконным. В конце концов побежденный Саншеш бежал в Кастилию, но и там не успокоился, постоянно подстрекал кастильцев против португальцев.

После смерти Констансы Кастильской фрейлина Инес де Кастро фактически лишилась должности. В каком качестве она оставалась при дворе? Только как фаворитка инфанта. Но такой должности нет, при дворе нужен хоть какой-то официальный статус. Таким образом, лишь король Афонсу IV имел право распорядиться судьбой Инес, по крайней мере, ее карьерой: возвысить или отставить, выслать в Кастилию или подвергнуть опале в Португалии. Он решил сослать ее в Коимбру, что не было таким уж тяжким наказанием.

Но положение еще более осложнилось, когда в Кастилии началась гражданская война – мятежные дворяне выступили против короля. Они стремились через семейство Кастро втянуть Португалию в свою междоусобицу, а в случае успеха предложить кастильский трон португальскому инфанту Педру. И Дон Педру готов был принять это предложение. А в этом случае кастильская гражданская война неизбежно захватит Португалию.

В таких обстоятельствах Афонсу IV не рассчитывал на благоразумие сына. Многие придворные считали страсть инфанта к

Инес де Кастро «любовным помешательством».

Неизвестно, была ли Инес де Кастро посвящена в планы своих родственников, влияла ли она на своего пылкого любовника. Или, может быть, она была лишь невольной участницей интриг? В таком случае это родственники навлекли на нее королевский гнев и кару. Это они – прямые виновники разгравшейся трагедии.

Афонсу IV собрал королевский совет. Государственные мужи долго решали, как поступить с этой опасной женщиной. Кинжал – оружие тайной интриги, топор палача – орудие закона. Несчастная Инес де Кастро была казнена, а не убита: по решению совета ее обезглавили в Коимбре 7 января 1355 года.

Важнее правды

Карл Брюллов создал живописное полотно «Смерть Инесы де Кастро», которое хранится в Государственном русском музее

Все дальнейшее происходило примерно так, как было изложено раньше. За исключением одного: не было коронации и присяги мертвой королеве. Кстати, нет этого эпизода и в поэме Камюэнса. Нет его и в трагедии Антонио Феррейры «Инес де Кастро», написанной примерно тогда же. В финале трагедии, сразу после гибели возлюбленной, Дон Педру говорит:

Инес, не кори, что не умер с тобой:
Я здесь, на земле, задержался, чтоб мстить,
Но скоро я встречу с тобой в небесах,
И там я тебя назову королевой,
Когда не успею на земле...

Только позднее, и постепенно, реальное событие обрастало легендарными эпизодами. Сначала в народных романах (старинные романсеро воспевали и воинские подвиги, и подвиги любви), потом в творениях профессиональных авторов. Начиная с XVIII века к этому сюжету обращались драматург Антуан Удар де Ла Мотт, писатели Виктор Гюго и мадам Жанлис, композиторы Николо Антонио Цингарелли и Джузеппе Персиани, художники и многие другие. В России историю Инес де Кастро узнали в XVIII веке благодаря опере Цингарелли, исполнявшейся в Санкт-Петербурге; в начале XIX века в Императорском театре с большим успехом шла трагедия де Ла Мотта, в которой блистал молодой Каратыгин в роли инфанта. В 1834 году Карл Брюллов создал впечатляющее полотно «Смерть Инесы де Кастро» (хранится в Русском музее). В 1910 году известная писательница и переводчица Т.Л.Щепкина-Куперник написала новеллу «Инеса де Кастро». В ней подробно описана ужасная сцена коронации мертвой королевы. Оканчивается новелла такими словами: «Гробницы их стоят не рядом, а одна против другой, по воле короля: затем, чтобы, когда они встанут для вечной жизни в день страшного суда, – их первый взгляд был бы взглядом любви».

И, наконец, кинофильмы о несчастной Инес де Кастро (самый ранний – «Мертвая королева» – вышел в 1910 году в Португалии) окончательно закрепили в общественном сознании легенду о ней.

В Португалии история любви Инес де Кастро и Дона Педру давно обрела статус национального мифа. Именем Инес названы школы, творческие конкурсы, подростки разыгрывают этот сюжет на любительской сцене.

И пусть в этой легенде немало фантазий – они подчас ценнее, чем историческая точность. Здесь правда и вымысел не противоречат друг другу, а вместе подтверждают библейскую истину: «Сильна, как смерть, любовь!»

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ПЕРЕДПЛАЧУЙТЕ НА 2021 РІК в будь-якому відділенні Укрпошти

Ф. СП-1

Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ на журнал (індекс видання) _____

(найменування видання) _____ Кількість компл. _____

на 2021 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди _____ (поштовий індекс) _____ (адреса)

Кому: _____ (прізвище, ініціали)

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на журнал (індекс видання) _____

(найменування видання) _____ Кількість компл. _____

Вартість передплата _____

на 2021 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий індекс _____ місто _____ село _____

код вулиці _____ область _____ район _____

буд. _____ корп. _____ кв. _____ вулиця _____

прізвище, ініціали _____

БЮДЖЕТ 2021

МЕЖНАРОДНИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАЇНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОЛИТИКА 20

ИНТЕРНЕТ ПОД ЦЕНЗУРОЙ

ПОЛИТИКА 18

Перемени... Ми не ждемо перемени

ЛІТОВСЬКА ВОЄНА

ПОЛИТИКА 8

НОВЫЙ КРЫМ

СОЕДИНІТЬ ШТАТІ ПОЛЬ

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ, МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ. АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

КУРС на 30

БЕСТА РАТА

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»

ИНДЕКС 35257

1 міс. – 15,44 грн.
3 міс. – 46,32 грн.
6 міс. – 92,64 грн.
12 міс. – 185,28 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА ЛЬГОТНЫЙ»

(Для передплатників попереднього періода та пенсіонерів)

ИНДЕКС 37104

1 міс. – 14,44 грн.
3 міс. – 43,32 грн.
6 міс. – 86,64 грн.
12 міс. – 173,28 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49056

1 міс. – 13,36 грн.
3 міс. – 40,08 грн.
6 міс. – 80,16 грн.
12 міс. – 160,32 грн.

КОМПЛЕКТ: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА» + «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49542

1 міс. – 25,79 грн.
3 міс. – 77,37 грн.
6 міс. – 154,74 грн.
12 міс. – 309,48 грн.

Передплатити можна також на сайті **market.umh.ua**, за телефонами: **(044) 207-97-25, 207-97-22, 063 648 07 72, 068 204 45 02** або написати нам на **market@umh.ua**

МАТА ХАРИ

**Очерк Марка Алданова
о «самой соблазнительной
и загадочной шпионке»**

Марк Александрович Алданов родился в Киеве 26 октября 1886 года. Здесь же он получил высшее физико-математическое образование. После революции эмигрировал. До войны много путешествовал, побывал практически во всех частях света. В Париже вместе с В. Ходасевичем редактировал литературный отдел газеты «Дни», много печатался. Умер Марк Алданов в Ницце 25 февраля 1957 года.

Марк АЛДАНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Этот невысокий, небольшой, странной формы, странного цвета дом с садом не напрасно называется виллой. Он построен, вероятно, около ста лет тому назад и тогда был загородным, если не деревенским домом. Вилла «Реми» расположена в той части Нейи, которая до сих пор сохранила глубоко провинциальный вид. Здесь еще нет больших домов; все особняки тут с садами. Очень мало лавок и почти нет кофеен — вот только одна, тоже необыкновенно провинциальная по виду кофейня находится на улице Виндзор, как раз по соседству с №11.

В №11 жила Мата Хари. Здесь происходили ее «оргии». Сюда же, очевидно, приходили к ней для деловых разговоров агенты германского генерального штаба. И для оргий, и для шпионских дел окруженный садом особняк на улице Виндзор был выбран чрезвычайно удачно: вот какой частью города менее всего могли интересоваться полиция и службы контрразведки.

По случайности вилла «Реми» теперь сдается внаем; следовательно, ее можно осматривать. Я побывал в доме Мата Хари. В старинных уголовных романах Монтепена, Габорио, в разных «Тайнах Розового Дома» описываются именно такие таинственные виллы. Сходство полное, вплоть до узких винтовых лестниц, соединяющих первый этаж со вторым. Может быть, помимо удобства, именно романтика этого особняка и привлекла внимание Мата Хари — ведь ее и погубила, главным образом, романтика.

Легенда такова. Земное воплощение дьявола, знаменитая красавица, танцовщица Мата Хари выдавала немцам важные военные секреты, относящиеся к боевым операциям 1914-1916 годов. Эти секреты она якобы узнавала от высокопоставленного французца, с которым была в близких отношениях, и сообщала еще гораздо более высоко-

Танец Сивы – бога любви и смерти

поставленному немцу, с которым также была в близких отношениях.

Легенде соответствует контрлегенда. Ни в чем не повинная мученица – красавица танцовщица Мата Хари – стала жертвой дьявольского умысла. Другая знаменитая артистка приревновала ее к своему мужу (весьма известному писателю) и из мести возвела на соперницу страшное обвинение в шпионаже. В результате коварных махинаций произошла тяжелая судебная ошибка, закончившаяся расстрелом невинной женщины. Но угрызения совести и по сей день терзают артистку, которая погубила Мата Хари. Недавно она ездила в Рим, покаялась папе и просила у него прощения.

И легенда, и контрлегенда не раз оглашались в печати. Не раз в печати назывались полным именем и высокопоставленный француз, и высокопоставленный немец, и артистка предательница. Фамилии некоторых из них были даже названы с трибуны французского парламента. Не привожу все-таки этих имен: в легенде правды очень мало, а в контрлегенде все — совершенная неправда. И Мата Хари отнюдь не была невинной жертвой, и та другая артистка никому ее не «выдавала». Выдала ее, как мы увидим, знаменитая Эйфелева башня...

Это была очень умная и одаренная женщина с необычайным темпераментом, жадно любящая жизнь, жадно любящая позы и эффекты, взбалмошная до истеричности и болезненно лживая. В Париже, Вене, Берлине по ней сходили с ума самые разные люди. Рассказывают, что среди ее любовников были генералы, чиновники, один из высших служащих министерства иностранных дел, академик, военный министр, принцы и великие герцоги. Говорят даже о двух монархах. Сочетание всего этого обещало многое; однако из него нисколько не вытекала необходимость совершать тяжкое преступление.

Обстоятельства, при которых Мата Хари стала шпионкой, известны только германской разведке. Мы же здесь вступаем в область догадок.

Успех танцовщицы Мата Хари в Париже, где обычно создается или закрепляется артистическая слава, обеспечил ей возможность гастролей по всей Европе. Она выступала в Вене, Берлине, Амстердаме, Риме, Монте-Карло. Платили ей по тем временам недурно. Мата Хари получала за выход в среднем около 200 золотых франков. Выступала она часто и, следовательно, могла бы жить и на свой заработок.

Хозяйка кофейни, расположенной на улице Виндзор рядом с домом Мата Хари, хорошо ее помнит. Она рассказывала мне, что этот дом всегда осаждали кредиторы. В 1914 году Мата Хари, покидая Париж, буквально спаслась от них бегством: тщательно скрывала свой отъезд и выехала из дому ночью. Есть сходные указания и в печатных источниках. Она, по-видимому, не раз переходила от большой роскоши почти к бедности. Не слишком роскошной была ее квартира — та самая, на которой происходили оргии. Это и теперь видно по размерам комнат, по ванной, по разнообразным мелочам...

Это не совсем понятно. Мата Хари немало зарабатывала танцами, ее щедро оплачивали богатые покровители, ей платила германская разведка. Куда же девались деньги? Говорят, она играла в карты.

Однако только ли жажда денег толкнула ее на дорогу, трагически оборвавшуюся у Венсенского полигона?

Думаю, что романтика шпионажа сама по себе сыграла немалую роль в судьбе Мата Хари. Она всю жизнь жила на нервах, ощущениями, фантазией — точно вертела свой собственный биографический бульварный фильм.

Во всяком случае, установлено, что шпионкой Мата Хари стала до 1914 года, быть может, задолго до войны, скорее всего, тотчас после развода с капитаном Мак-Леодом; тогда ей очень могли пригодиться и небольшие суммы... У германской разведки она значилась как «агент Н-21». Буквой Н обозначались лишь старые агенты. После начала военных действий для обозначения германских шпионов, действовавших во Франции, были приняты буквы АФ.

Существуют разноречивые указания о военных тайнах, которые она выдала немцам. Важные ли это были тайны? Люсьето

утверждает, что вследствие ее работы были потоплены 17 союзных транспортов с войсками и погибло не менее дивизии союзных войск. На суде говорилось о выдаче секретов, относящихся к наступлению 1916 года. Но комендант Ладу, заведовавший во время войны французской контрразведкой, заявляет, что Мата Хари, к счастью, свое шпионское ремесло знала плохо.

В этих делах правды добиться очень трудно. Шпионаж в истории давал исключительно важные результаты в тех случаях, когда удавалось подкупить высшего офицера или видного политического деятеля противоположного лагеря. Но роль женщины-шпионки, быть может, вообще несколько преувеличивается. У Мата Хари были высокопоставленные друзья. Однако едва ли это очень способствовало ее работе. Надо думать, у военного министра (будь это и очень страстный человек) должны были бы тотчас возникнуть подозрения, если бы на «ложе неги» (как пишет один из биографистов Мата Хари) иностранная артистка стала вдруг расспрашивать о тайнах государственной обороны.

В июле 1914 года, за несколько недель до войны, Мата Хари выехала из Парижа в Германию. По словам Гейманса, она тогда была «совершенно осведомлена о военных планах Германии!» Биограф на этот раз несколько перехватил. В июле 1914 года сам император Вильгельм вряд ли знал с уверенностью, что в августе начнется мировая война. Но уж, во всяком случае, генеральный штаб не стал бы осведомлять об этом платную шпионку-танцовщицу. Она ведь могла за деньги перейти и в другой лагерь. К тому же если бы Мата Хари знала о близости войны, то, как шпионке, ей, конечно, следовало бы остаться в Париже.

Думаю, что она была шпионкой рядовой и средней. Более ценные шпионки намного менее эффективны.

Война застала Мата Хари в Берлине. В день объявления войны она завтракала в ресторане с главой берлинской полиции, с которым, по ее словам, познакомилась в мюзик-холле. «В Германии, — показывала она на суде, — полиция имеет право цензуры над театральными костюмами. Меня находили уж слишком обнаженной. Префект зашел осмотреть меня. Там мы и познакомились».

В 1915 году Мата Хари вернулась во Францию и затем много разъезжала, занимаясь шпионажем.

Несколько позднее с ней случилось невероятное происшествие: Мата Хари вдруг безумно влюбилась!

Предметом любви Мата Хари был офицер, служивший тогда во Франции (он, разумеется, не имел представления о том, что она шпионка). «Это был единственный человек, которого я когда-либо любила», — говорила она на суде.

Если угодно, это тоже был кинематограф. Скажу больше: любой автор американского сценария, отдаваясь свободной творческой фантазии, непременно закончил бы фильм именно так: первой любовью роковой женщины. Но вместе с тем это было правдой. Мата Хари влюбилась и мечтала о замужестве, мечтала напрасно: офицер этот был человек безукоризненный. «Он не захочет... Он из знатной семьи, его отец не допустит такого брака», — говорила она в 1916 году коменданту Ладу.

Первые сведения о том, что Мата Хари состоит на службе у немецкой разведки, получила британская Интеллидженс Сервис — по-видимому, из Мадрида, где английские агенты каким-то образом проследили ее связь с германской разведкой. <...>

За ней было тотчас установлено в Париже самое тщательное наблюдение. Ее корреспонденция перехватывалась и читалась во французской контрразведке. «Я перечел ее перехваченные письма, — сообщает комендант Ладу. — Большая часть из них была адресована капитану, давно служившему на фронте. Все они были подвергнуты самому тщательному исследованию,

испробованы в наших лабораториях при помощи всяких химических реактивов. В них не было ничего, решительно ничего такого, что могло бы повлечь за собой что-либо, кроме смутных подозрений».

Она скоро заметила, что находится под тайным наблюдением контрразведки. Как ни странно, это не очень ее встревожило. В августе 1916 года она явилась к коменданту Ладу. Инициатива свидания была как бы встречающая: не то чтобы она просила о приеме, не то чтобы он официально ее вызвал.

Об их встречах рассказал сам комендант Ладу в книге своих воспоминаний. Мата Хари начала с жалобы в кокетливом тоне: за ней следят, в ее отсутствие какие-то люди роются в ее чемоданах, что за безобразие! Ладу отшучивался, слабо отрицая свое участие в установленном за ней надзоре. Затем перешли к небольшому делу. Танцовщица желала отправиться на лечение в Виттель, находившийся в прифронтовой полосе. Для этого нужен был пропуск. Комендант охотно его выдал.

Вблизи Виттеля, в Контрексевилле, в ту пору создавался авиационный лагерь, специально предназначенный для воздушных бомбардировок врага. Немцы чрезвычайно им интересовались, и французская разведка

это знала. Ладу был совершенно уверен, что Мата Хари едет в Виттель именно из-за авиационного лагеря. В Виттеле, в гостинице, где она остановилась, был под видом лакея внедрен разведчик. Другому агенту, перешедшему офицером-летчиком, поручено было за ней ухаживать. Однако хитрости не дали решительно никакого результата. Мата Хари вела себя в Виттеле безукоризненно; по окончании курса лечения она вернулась в Париж и снова явилась к Ладу — опять как будто без всякого дела, просто так, поболтать.

Вторая беседа была гораздо интереснее первой. Она велась в том же веселом, шуточном тоне — вот только говорились вещи не шуточные, далеко не шуточные. Тон дала Мата Хари: ей нужны деньги, так нужны... «Правда? Сколько?» — сочувственно спросил Ладу. «Много. Миллион франков». «Где же нам такую сумму взять! Вот у немцев вы могли бы получить миллион, если б вы проникли

в ставку нашего верховного командования», — ласково сказал начальник французской контрразведки. Мата Хари столь же шутивно ответила, что за миллион она лучше проникнет в германскую ставку, благо это ей и нетрудно: всем известно, что она была любовницей (она назвала очень высокопоставленное лицо). «Ну уж так прямо в германскую ставку? — усомнился Ладу. — Кто же вас туда введет?» «Да мой другой любовник, поставщик У».

«Имя это вылетело у нее, как пуля, — вспоминает в своей книге комендант, — и эта пуля погубила несчастную». Поставщик У был одним из главных германских агентов специально по найму шпионов.

Соглашение было заключено: Мата Хари поступает на службу французской контрразведки, едет сначала в Испанию, оттуда в Бельгию, где и будет работать. На прощание комендант Ладу сказал ей внушительное напутственное слово — о некотором неудобстве службы на два фронта: надо непременно выбрать один, а то дело может кончиться плохо. Мата Хари ответила не совсем понятно, в своем обычном стиле: она родилась под знаком Зифи. Ее эмблема — змея. Когда в былые времена в зоологическом саду она проезжала верхом мимо клеток, змеи просыпались и шевелились... Но сегодня, возвращаясь под утро из игрного дома, она снова подошла к змеям — и на этот раз рептилии почему-то не проснулись. По-видимому, эта аллегория означала, что отныне она изменяет своему змеиному нраву — и будет верой и правдой служить французской разведке.

Комендант Ладу сам говорит, что при их расставании он еще совершенно не знал, каковы истинные намерения Мата Хари. Но его идея была очень проста: французская разведка знала шифр, при помощи которого германский военный агент в Испании сносился по радио с германским верховным командованием. Эйфелевой башне было предписано перехватывать все радиотелеграммы, шедшие из Мадрида в ставку Гинденбурга.

Вскоре после прибытия Мата Хари в Испанию французская разведка расшифровала следующие две телеграммы, доставленные с Эйфелевой башни:

«В Мадрид прибыл агент

Мата Хари играла роль индусской роковой женщины

Н-21. Ему удалось поступить на французскую службу... Он просит инструкции и денег. Сообщает следующие данные о местонахождении французских полков... Агент указывает также, что французский государственный деятель N находится в близких отношениях с некой иностранной принцессой...»

В ответной телеграмме германского штаба предписывалось:

«Скажите агенту Н-21 вернуться во Францию и продолжать там работу. Получить чек Кремера в 5000 франков на Контуар д'Эсконт».

Комендант Ладу добавляет, что не все сведения, сообщенные Мата Хари о французских полках, были точны. Это подтверждает сказанное выше об ее шпионских заслугах. Не очень большой интерес представляло, конечно, и сообщение о романе государственного деятеля. Сами по себе телеграммы были незначительны. Но, разумеется, вопрос об агенте Н-21 разрешался ими бесповоротно.

Она вернулась в Париж и остановилась в «Элизе-Палас» (теперь больше не существующем отеле). 13 февраля 1917 года в ее номер вошли полицейские агенты и под каким-то предлогом велели ей следовать за ними. Ее привезли во 2-е бюро. Там ее, как водится, сразу оглушили вопросом:

— Н-21, когда именно вы поступили на германскую службу?

— Я не понимаю вас, — ответила, сильно побледнев, Мата Хари.

Следствие продолжалось несколько месяцев. Дело поступило на рассмотрение военного суда лишь 24 июля 1917 года. Защитник, старый адвокат, редактор известного юридического журнала, был формально ей назначен советом сословия. В действительности председатель совета Анри Робер предложил защиту своему адвокату по его настойчивой просьбе: престарелый адвокат был давним другом танцовщицы и всячески это подчеркивал. Человек был, по-видимому, не без странностей. Перед казнью своей подзащитной он заявил властям, что она от него беременна. «От вас? — изумленно спросил прокурор. — Но ведь вам, кажется, больше 75 лет!» «Это ничего не значит. Я требую применения 27-й статьи уголовного кодекса...» Система защиты Мата Хари на суде была очень неубедительна. Она не могла отрицать, что получала деньги от немцев. Но, по ее словам, руководитель германской разведки, от которого она получила тридцать

Самая соблазнительная шпионка

тысяч марок, был ее любовником и платил именно за это. «Очень щедрый человек», — заметил председатель. «30 тысяч марок — это моя обычная цена, — возразила Мата Хари. — Все мои любовники платили мне не меньше». Она получала, однако, деньги от разных германских офицеров — объяснение было такое же. «Но телеграфный обмен между Мадридом и ставкой?» — «Это ничего не доказывает: руководители германского шпионажа просто хотели отнестись к своему частному расходу на счет государственной казны».

Увы, суд единогласно приговорил Мата Хари к смертной казни.

Теперь все кончено. Дело переводится в другую инстанцию, в кассационный суд. Но сколько-нибудь серьезных поводов для кассации нет. Нельзя рассчитывать и на получение помилования от президента республики.

В Сен-Лазарской тюрьме она ведет себя, в сущности, так же дико, как на воле. Однако теперь перспектива изменилась чрезвычайно. Безвкусный американский сценарий становится грозной и страшной правдой.

Мата Хари продолжает доигрывать — не нахожу другого слова. Можно в камере читать книги: есть романы Бурже, Прево,

Рони. Она отказывается: отроду не читала романов. Она попрежнему играет индусскую роковую женщину. Совершенно непостижимо, почему это ей так нравилось...

Сестры тюрьмы предлагают ей помощь религии. Она отказывается с усмешкой. «Эти бедные женщины упорно хотят обратить меня в свою веру», — говорит она доктору. Перед одной из сестер она танцует свой танец, очевидно, тот самый танец Сивы, бога любви и смерти, которым когда-то она сводила с ума Париж. Но танцует она его не в своем наряде, а в тюремном халате, не на сцене, осыпанной лепестками роз, а в камере №12 Сен-Лазарской тюрьмы. Это, я думаю, было страшное зрелище.

Доктор Брале очень о ней заботится. Ей хочется его отблагодарить. Мата Хари предлагает открыть доктору три секрета — один даст ему любовь, другой золото, третий вечную жизнь. Может быть, она видела на сцене «Пиковую даму»?

Фильмовая лента теперь вертится все быстрее, настанет последний день. 15 октября 1917 года, на рассвете, к ней в камеру входит обычная в таких случаях процессия. Она спит — накануне приняла хлораль (все время в тюрьме его принимала). Ее будят. Произносятся обычные слова: «Мужайтесь, час искупления настал», или что-то в этом роде. Здесь начинается самая блестящая сцена всей ее жизни. Надо отдать должное ее игре, мужеству и силе характера. «Как?

За несколько минут до расстрела

Так рано! На рассвете! Что за манеры?.. — Она хотела бы, чтобы ее повезли на полигон днем, после хорошего завтрака. — Папиросу? Нет, не надо: Грот? Да, пожалуй, стакан грога». «Не имеете ли каких-либо сообщений властям?» — «Не имею. А если бы имела, то не сделала бы!..»

Нужно одеться. Мужчины выходят. Она приглашает врача остаться в камере... «Да и вообще не время изображать целомудрие!..» Говорит быстро, безостановочно. Туалет кончается. Она поедет в Венсен в бежевом мантио, непременно в бежевом мантио. Снова входят люди. Пастор предлагает помолиться. «Я не желаю прощать французам!.. Впрочем, все равно. Все — все равно. Жизнь ничто, и смерть тоже ничто, — объясняет она. — Умереть, спать, видеть сны, какое это имеет значение? Не все ли равно, сегодня или завтра, у себя в постели или на прогулке. Все это обман!..» И вдруг раздается страшный хохот — это преданный адвокат на ухо ей сообщает о своем удивительном способе отсрочки: объявить себя беременной. «Беременна?.. Нет, я не беременна... Что еще? Да, письма...»

Она пишет три письма: одно сановнику, другое своей дочери, третье — тому капитану. Отдает их трясущемуся адвокату и насмешливо просит не перепутать: не надо, чтобы письмо любовнику попало к девочке, и наоборот.

У ворот тюрьмы стоят пять автомобилей. С ней во второй садятся пастор и сестры. Автомобили несутся в Венсен по пустынным улицам спящего Парижа. Это длится недолго. Второй автомобиль останавливается у столба на полигоне. По другую сторону уже стоит черный катафалк с гробом.

В десяти метрах от столба выстроились двенадцать солдат. Мата Хари выскакивает из автомобиля и помогает выйти сестрам. «Повязки не надо!..» — говорит она. С улыбкой кивает головой сестрам, адвокату, доктору. Бьет барабан. Раздается залп. В нее попадает одиннадцать пуль — двенадцатый солдат, еще очень молодой, свалился без чувств — почти одновременно с нею.

Тело Мата Хари тотчас же отвезли в анатомический театр.

Париж, 1932 г.
Печатается
с сокращениями

МОДИСТКА ДЕКАБРИСТКА

Валерий ЯРХО

Специально для «Совершенно секретно»

История любви Ивана Александровича Анненкова и Полин Гебль, казалось, давно известна. Александр Дюма-отец написал о ней роман «Учитель фехтования», и уже на нашей памяти был снят фильм «Звезда пленительного счастья». Но Дюма, как и подобает романисту, многое придумал и добавил «от себя», а в фильме Владимира Мотыля Ивану Анненкову и его Полине уделено не так много внимания: это лишь одна из сюжетных линий. Так что на самом деле в известной истории много неизвестного.

Милостью Наполеона

Семья Ивана Александровича Анненкова была невероятно богата даже по меркам московского барства. Ванечка рос и воспитывался дома, под надзором иноземных гувернёров и учителей. Достигнув пятнадцати лет, в 1817 году стал посещать лекции в Московском университете. Но курс не закончил и в 1819 году поступил юнкером в Кавалергардский полк. В те поры Иван Анненков стяжал себе славу светского шалопаю, со всем пылом молодости предаваясь пирушкам, интрижкам с красавицами и карточной игре. Казалось, он пропал, когда стал участником дуэли: его вызвал Ланской, приревновавший к нему свою невесту, княжну Урусову. Приняв вызов, Иван Александрович стрелялся и убил соперника. За участие в дуэли со смертельным исходом полагалась смертная казнь. При смягчающих обстоятельствах (всё же вызвали его, а не он) Анненкову грозило многолетнее заключение в крепости, в лучшем случае разжалование в солдаты. Но его лишь продержали три месяца на гауптвахте.

Причиной такой снисходительности к Анненкову было благоволение императора, которому очень нравилось, как умел танцевать этот молодой красавец-кавалергард. Когда на балу доходил черед до мазурки, императору специально напоминали об этом, и он, оставив своих партнеров по картам, шёл специально полюбоваться на Анненкова, который обычно танцевал мазурку в паре с великой княжной Александрой Фёдоровной.

**Новое в известной истории
француженки Полин Гебль,
отправившейся более
190 лет назад в сибирскую
ссылку вслед за своим
возлюбленным
Иваном Анненковым**

Летом 1825 года Анненков был назначен в «полковые ремонтеры» – ему поручили произвести закупку лошадей для Кавалергардского полка. В июне, будучи проездом в Москве, в модном магазине фирмы Дюманси на Кузнецком Мосту он увидел служившую там Полин Гебль. Полин к тому времени прожила в России уже около года и достаточно хорошо разбиралась в реалиях местной жизни, чтобы тешить себя иллюзиями относительно перспектив романа с русским дворянином. Московские француженки ей все уши прожужжали о том, что русские дворяне легко вспыхивают, бывают щедры и милы некоторое время, но потом столь же легко бросают своих избранниц, совершенно не интересуясь, как они живут потом, когда их репутация загублена.

Полин Гебль, или, как писали в её рус-

Иван
Анненков

Полин Гебль

В фильме Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья» образы Полин Гебль и Ивана Анненкова воплотили Эва Шикуньска и Игорь Костолевский

ском паспорте, Полина Поль, была двумя годами старше Анненкова и неизмеримо опытнее его. У себя на родине ей рано пришлось столкнуться с неприятными сторонами жизни и стать самостоятельным человеком. Отец Полин был офицером императорской армии и после революции попал в тюрьму, из которой чудом вышел живым, с клеймом изгоя. Но во время испанского похода в 1809 году полковник Гебль пропал без вести, и мать Полин в 27 лет осталась вдовой с четырьмя детьми. Лишь благодаря личному участию Наполеона семье полковника Гебль было выслано 12 тысяч франков единовременного пособия и положена пенсия в 2 тысячи франков. Кроме того, Полин и её сестру

приказано было принять в пансион для сирот кавалеров ордена Почётного легиона, а братьев Полин обещано было, как подрастут, отправить в военное училище Сен-Сир.

Относительное благоденствие семейства и учёба сестер в пансионе продолжались недолго – Полин исполнилось пятнадцать, когда империя, созданная Наполеоном, прекратила своё существование, а вместе с нею пропали и пенсия, и пансион, и училище для мальчиков. Полин поступила на службу в парижский коммерческий дом, с которым подписала контракт её матушка. Условия были весьма жёсткими: шесть рабочих дней в неделю, жить надлежало при торговом доме, и даже в воскресенье девушка не имела права отлучиться без разрешения хозяев. Вскоре ей до смерти надоела каторжная жизнь. Она решила уехать куда-нибудь подальше, и, узнав, что торговый дом Дюманси набирает работников для большого склада товаров и магазина в Москве, на Кузнецком Мосту, Полин подписала новый контракт. В 1824 году под именем Полин Поль она приехала в Россию.

Кавалергарда век недолог

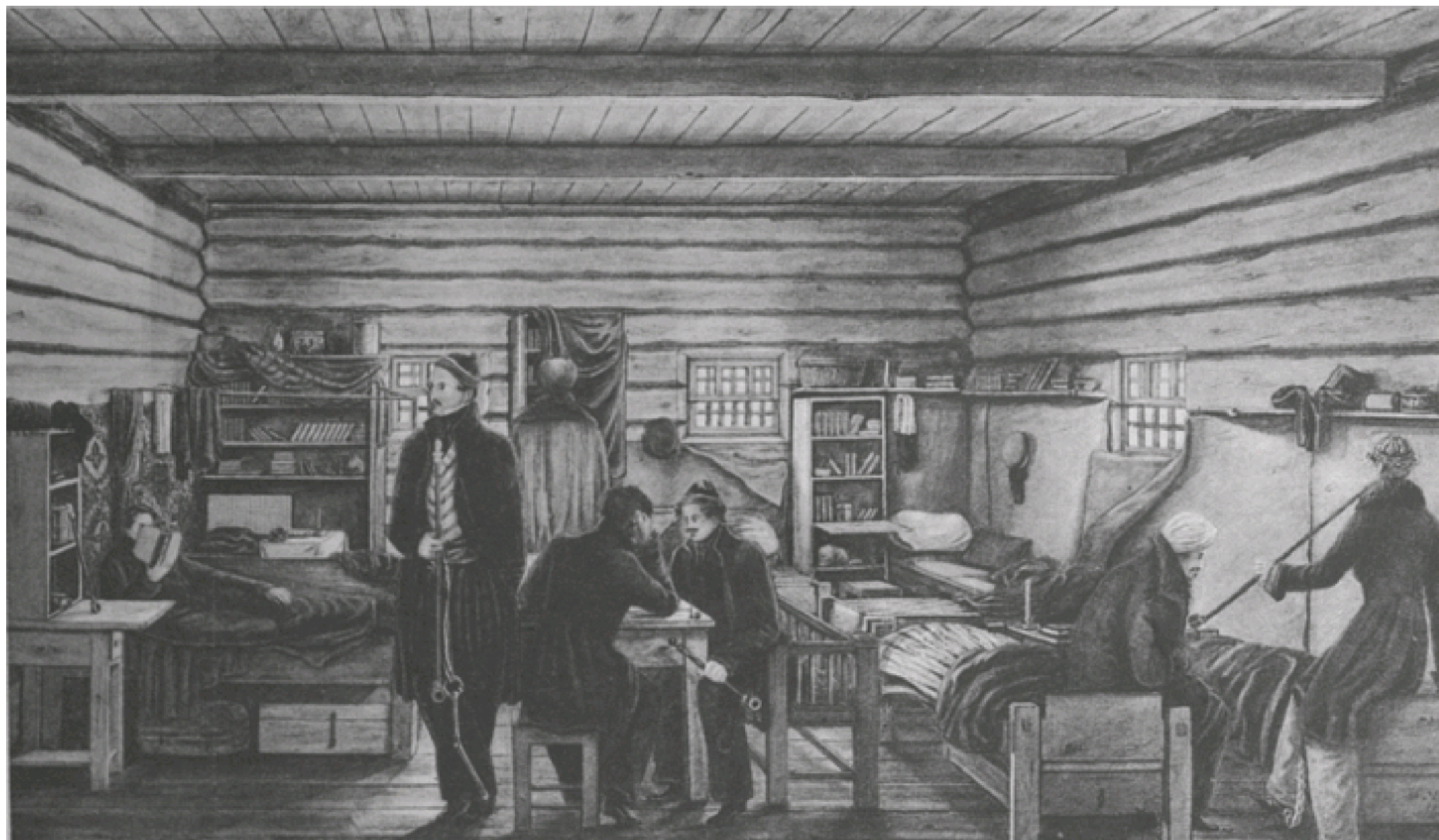
Все попытки ухаживания, предпринятые избалованным женской уступчивостью кавалергардом, были тщетны. Даже когда он обещал жениться, Полин не дрогнула и отбила этот приступ простенькой просьбой: прежде чем пойти под венец, она желала быть представленной его матушке. Полин знала, что Анну Ивановну Анненкову в Москве называют за глаза «королевой Голконды» – за вызывающе роскошный образ жизни и невероятное самодурство. Поручик боялся своей мамыши как огня, и одна мысль о том, чтобы представить ей француженку-продавицу в качестве невесты, казалась ему самоубийственной. На этом этапе процесс ухаживания застопорился, и они расстались. Как оказалось, ненадолго – встретились в Пензе. Анненков был командирован на тамошнюю ярмарку для «ремонта» – закупки новых лошадей для полка, а Полин была старшей продавщицей в лавке французских товаров, открытой на время ярмарки фирмой Дюманси.

Ухаживания молодого человека, наконец, нашли отклик в душе француженки, а окончательно их соединила почти детективная история. Дело в том, что «полковые ремонтеры», имевшие на руках большие суммы казённых денег, были одной из главных мишеней шулерских шаек, промышлявших на ярмарках. Как оказалось, вслед за Анненковым на ярмарку выехала компания игроков, которая уже однажды «пощипала» молодого человека в Петербурге, выиграв у него 60 тысяч.

Модные магазины, вроде того, в котором служила Полин, были своего рода светским клубом, а потому до ушей Полин долетели обрывки разговоров игроков. В назначенный для игры вечер Полин зазвала поручика в гости, и шулера зря прождали Ивана Александровича – тот остался у неё на ночь. Это свидание и стало точкой отсчёта их отношений.

В Москву Полин и Анненков прибыли только в ноябре. Здесь их и застало известие о кончине императора Александра I, которое, как заметила Полин, озаботило её друга. Несколько дней кряду в доме у Анненкова сходились молодые офицеры, вели между собой разговоры, из которых Полин поняла, что Иван Александрович состоит членом какого-то тайного общества и внезапная смерть императора почему-то грозит ему бедой. Вскоре поручик засобирился в Петербург – 2 декабря он выехал, но в спешке забыл портфель, в котором было более 70 тысяч рублей, и с первой станции вернулся за ним. Как потом оказалось, это была последняя возможность обнять любимую на воле. Он уехал в Петербург, а она, будучи уже беременной, осталась в Москве ждать от него вестей. Но вместо писем от Анненкова пришли известия о восстании в Петербурге. О судьбе Ивана Александровича ничего не было известно, и она жила, терзаемая этой неизвестностью.

Приехав в Петербург, Анненков 12 декабря явился на собрание заговорщиков, проходившее в доме князя Оболенского, и, когда речь зашла о вооружённом восста-

Декабристы в камере Читинского острога (картина декабриста Н. Репина): слева Анненков полулежа читает книгу; за столом Никита Муравьев и Вадковский играют в шахматы. На кровати справа сидит Барятинский

нии, резко высказался против. Он пояснил, что солдаты его Кавалергардского полка не расположены к выступлению, а само выступление назвал «большой ошибкой, неприятным, обречённым на неудачу». В самый день мятежа, 14 декабря 1825 года, он не был в рядах мятежников. Поручик Анненков явился на площадь со своим полком, занимая место по боевому расписанию, как офицер 5-го эскадрона Кавалергардского полка, и стоял со своими солдатами возле дома Лобановых, на углу Невского проспекта. Когда на Сенатской площади было всё кончено, Анненков вместе с полком вернулся в казармы, и ещё пять дней его никто не тревожил. Лишь поздним вечером 19 декабря за ним пришли. Командир эскадрона Фитингов доставил его во дворец, и Анненков оказался в комнате, где находилось несколько его товарищей, также участников тайного общества, – их имена называли на допросах те декабристы, которые были арестованы раньше.

Первые сведения о положении Анненкова после возвращения привёз в Москву знакомый Ивана Александровича, Стремоухов: его брат видел Анненкова в Главном штабе после ареста. Полин готова была немедленно ехать в столицу, чтобы искать его, но для этого не было возможности. Деньги, которые оставил Иван Александрович, были прожиты, и Полин, будучи беременной на последних сроках, принуждена была снова пойти служить к Дюманси. Не имея возможности ехать сама, она решила направить в Петербург доверенного человека.

Перед отъездом гонца Полин послала его в дом матери Анненкова, чтобы спросить, не изволит ли Анна Ивановна чего передать сыну? Но «королева Голконды» была до крайности эгоистична и оберегала себя от всякого беспокойства. Достаточно сказать, что о смерти её сына Григория, убитого в 1824 году на дуэли, ей riskнули сообщить лишь год спустя, и теперь она нипочём не желала знать, что там случилось с её вторым сыном.

11 апреля у Полин родилась дочь. Роды прошли тяжело, и более месяца роженица не вставала с постели. В довершение бед её опять настигла крайняя нужда – те, кого она почитала друзьями, отвернулись, служить ей было не по силам, всё ценное имущество было заложено, и жила она только из милости стариков-французов Шарпантье, помогавших ей. Да ещё из дома Анненковой приходила горничная, то ли

из сострадания, то ли по наущению: очень многих в Москве сильно встревожило рождение дочери Ивана Александровича. В сплетении интриг, разворачивавшихся вокруг наследства, появилась новая фигура, и всех Анненковых страшно интересовало: законнорожденное это дитя или нет? Если бы Полин и Анненков были венчаны, то она, как мать его ребёнка, по закону могла бы претендовать на седьмую часть имущества, а дочь становилась прямой наследницей и основным претендентом на всё, что останется после бабушки. В это время к Полин зачастили родственники Анненковой, и все в один голос советовали крестить дочку в православии. Полин согласилась.

Едва оправившись от болезни, она стала собираться в дорогу. Родственники переполошились пуще прежнего: «Вы можете повредить Ивану Александровичу – вы француженка, а у нас всех французов считают либералами. Ему только прибавится беды из-за связи с либералкой». К тому моменту уже ничего не могло ухудшить положение Анненкова. 13 июня 1826 года всем обвиняемым по делу тайного общества были вынесены приговоры, и Иван Александрович был осуждён как государственный преступник второго разряда. Решением суда его, лишив дворянства и чинов, приговорили к ссылке в каторжные работы сроком на 20 лет с последующим выходом на поселение.

Во глубину сибирских руд

Гельб не была родственницей Анненкова, а потому на официальное свидание надежды было мало. Но она так надоела чиновникам своею назойливостью, что о ней доложили императору. Николай приказал оставить француженку в покое.

По подсказке друзей Полин завела знакомство с плац-адъютантом Подушкиным – этот офицер «брал» и за это оказывал услуги, да к тому же его дочь, некрасивая перезрелая девица, влюбилась в одного из арестованных декабристов. Связавшись с Подушкиным, Гельб получила возможность подкармливать Анненкова, как это делали родственники остальных арестантов.

9 декабря 1826 года слуга Анненкова сообщил ей, что барин пытался покончить с собой. По Неве шёл сильный лёд, и лодочники отказывались везти её к другому берегу. Почти не говоря по-русски, она вынула из кошелька 25 рублей, и один из перевозчиков, соблазнившись, взялся доставить Полин к крепости. Пробыввшись сквозь невский ледоход, у ворот главной крепости страны так же, не тратя слов для убеждения, она дала денег часовому. Около полуночи она подошла к дому, в котором размещались офицеры. Она пришла в спальню, разбудила знакомых и стала расспрашивать об Иване Александровиче. Ей

рассказали, что он пытался повеситься на полотенце, но оно оборвалось. Полин попросила о свидании и, видя колебания офицера, тут же вынула из кошелька сторублевую ассигнацию. Тот отправился за Иваном Александровичем. Придя ночью в тюрьму, офицер свободно вывел из неё Анненкова и доставил в какой-то закоулок, на задах офицерских корпусов. Потом офицер отвёл Анненкова обратно, а сам вернулся и, выведя Полин из крепости, проводил до квартиры. Полин присела к столу, чтобы написать Анненкову несколько строк, которые взялся передать «прикормленный» офицер, но тут раздался шум, звон колокольчиков и посвист ямщиков. Перепуганный гость Полин бросился на улицу, а когда вернулся, сообщил ей ужасную новость: из крепости отправили куда-то партию арестантов, среди которых был и Анненков.

Утром Полин кинулась к родственнику Ивана Александровича, Николаю Николаевичу Анненкову, состоявшему адъютантом при великом князе Михаиле Павловиче. В этот момент она походила на помешанную – одетая в мужской халат Анненкова, который любила носить дома, приехала во дворец великого князя. Николай Николаевич обещал узнать, куда отправили арестантов. Спустя час он сообщил – их повезли в Сибирь. Сразу от Николая Николаевича Полин отправилась нанимать лошадей и поспешила на первую от Петербурга станцию. Каторжников она там не застала, но, посмотрев в почтовую книгу, узнала: Ивана Александровича и его товарищей везёт фельдъегерь Желдыбин и направляются они на Омск, Красноярск, Иркутск.

После отъезда каторжников оставаться в Петербурге было незачем, и Полин вернулась в Москву. Она поехала прямо к Анненковой и высказала желание следовать за Иваном Александровичем.

Тем временем родня Анненковых с увлечением принялась хлопотать о деньгах, отобранных у Ивана Александровича при аресте: у него изъяли ломбардные билеты на 60 тысяч, которые предназначались им для обеспечения будущего Полин и её ребёнка. Мать писала императору, прося отдать эти деньги ей, а родня обхаживала Полин, прося её отказаться от них. Деньги уже перешли в руки Анненковых, но они опасались, что Полин заявит претензию. Потом мать объясняла, что эти 60 тысяч нужны ей были для покрытия процентов на одном из имений, продав которое она потом намеревалась положить деньги на имя Полин. Но и по прошествии многих лет так и не собралась сделать это.

Мастерица на все руки

Ещё несколько жён людей, замешанных в «политическое дело», собирались следовать за своими мужьями, а потому обраца-

лись к императрице с просьбой о помощи. Полин, которая никем не доводилась Анненкову, была лишена и этой возможности, а потому весной 1827 года она решилась на отчаянный шаг: узнав, что в мае император будет на манёврах в Вязьме, она собралась ехать туда и просить лично Николая Павловича о разрешении следовать за Анненковым.

Снова в ход были пущены связи французской колонии в Москве и в самой Вязьме, где гостиницу содержал француз. Она встретила с метрдотелем императора, месье Мюллером, который служил ещё при Александре. Полин познакомилась с ним на балу французской колонии, ещё в тот год, когда приехала в Россию. Она спросила совета у Мюллера, и тот, подумав, рекомендовал начать дело, обратившись к флигель-адъютанту императора князю Лобанову-Ростовскому, так как он любим государем и в большом у него доверии.

Не сразу Полин удалось подойти к князю – целых семь дней она караулила возле дома, а на восьмой день застала его у крыльца, разговаривающего с крестьянами. Когда князь узнал, что Полин готова разделить участь Анненкова, не будучи его супругой, он, по-видимому, был поражён. Он обещал помочь и советовал писать прошение с припиской «в собственные руки Его Величества». На следующий день с готовым прошением она была у подъезда, когда государь садился в коляску. Полин едва не упала в обморок: император сам подошёл к ней и спросил, что ей угодно. Собственно, это был ритуал – императору уже объяснили суть просьбы, и его благосклонность вселяла надежду на то, что прошение будет удовлетворено. В этом уверил Полин и метрдотель Мюллер, который вечером пришёл её поздравлять. Однако официального ответа дано пока не было, и она вернулась в Москву, прибыв туда как раз на Троицын день.

Ждать пришлось долго – лишь в ноябре Полин Гебль, или, как её упорно продолжали величать в деловых бумагах, «Полине Поль», было дано высочайшее дозволение следовать в Сибирь, на Нерчинские заводы. Там отбывал наказание государственный преступник Анненков, который, «будучи спрошен, изъявил желание вступить с означенной Поль в законный брак». Вадковская, крёстная мать Ивана Александровича, дала 2 тысячи рублей, её дочь, Елагина, ещё тысячу. Они считали Полин настоящей героиней. А матушка Ивана Александровича, Анна Ивановна, не дала ни копейки. Правда, послала с нею до Иркутска двух своих дворовых, чтобы проводили и помогли.

Деньги пришли к Полин совсем с неожиданной стороны. Спустя неделю после указа о разрешении ей следовать в Нерчинские заводы Полин вызвал к себе московский обер-полицейстер Шульгин. В канцелярии ей выдали все необходимые документы для проезда и проживания, и лично обер-полицейстер вынес ей три тысячи рублей сторублевыми ассигнациями. Он подал деньги вместе с бумагой, сплошь исписанной цифрами, и пояснил, что деньги на дорогу и озаведение жалует государь император Николай Павлович из личных сумм, а на бумаге выписаны номера сторублевок, выдаваемых ей. При этом, усмехнувшись, Шульгин прибавил: «Государь, вероятно, не очень доверяет своей полиции».

Провожать Полин пришло множество народу, но, как все ни старались поддерживать её, она была сама не своя: в Москве оставалась дочь. Везти её в Сибирь было безумием. Ночью на 23 декабря 1827 года она выехала из Москвы. В лёгоньких повозках эта женщина проделала трудный и длинный путь через всю Сибирь и добралась в Читу лишь 5 марта 1828 года – подгадав точно ко дню рождения Ивана Александровича.

В Сибири Полин приняла православие и стала зваться Прасковьей Егоровной, а после того, как их повенчали в читинской церкви, уже во всех бумагах писалась Полиной Егоровной Анненковой. Перед венчанием жениха и шаферов – таких же каторжан Свистунова и Муравьева – расковали, а по завершении церемонии снова заковали. Новобрачный пробыл с супругой не более получаса у неё на квартире, а на

Прасковья Егоровна Анненкова

длительное, двухчасовое свидание его привели только на другой день. Так они стали жить-поживать.

Прасковья Егоровна очень скоро стала весьма популярна среди жён декабристов – сказалась выучка. Она умела стирать, штопать, шить, отлично готовила. Так что, несмотря на то, что они с Иваном Александровичем были беднее остальных, жилось ему гораздо лучше, чем всем прочим. Достаточно сказать, что казённой пищи Анненков не кушал – ему присылала еду Прасковья Егоровна. Деятельная французка завела корову, разбила огород. Русские дворянки старались как могли, но за Полиной им было не угнаться. Она первая во всей Чите устроила у себя в доме настоящую кухонную плиту, и дамы сходились к ней брать уроки кулинарии – учились варить суп, печь пироги, делать жаркое. Но воспитание сказывалось, они брезговали брать в руки сырое мясо или ошипывать ещё теплую курицу.

В том же, 1828 году Прасковье Егоровне удалось добиться возвращения тех 60 тысяч рублей, которые были отобраны при аресте у Анненкова. Кроме того, она дала дочери фамилию мужа. Для этого ей снова пришлось писать императору, и Николай Павлович был снисходителен. «По наведённой справке оказалось, что при аресте Анненкова у него было отобрано ломбардных билетов на 60 тысяч рублей, 8310 рублей ассигнациями и 2 рубля 50 копеек серебром. Из них по долговым обязательствам после уплаты 6823 рубля, а оставшиеся после осуждения Анненкова деньги были препровождены его матери» – этот рапорт был получен Николаем на борту корабля «Париж», стоявшего на рейде порта Варна, и там же была наложена резолюция от 11 сентября 1828 года: «Справедливо. Спросить у матери Анненкова, согласна ли она возратить жене его 60 тыс. рублей и желает ли, чтобы дочь их, прижитая до осуждения, носила имя Анненковой».

На деньги, отобранные при аресте, как и на всё имущество Анненкова, претендовали родственники. Всем спорам положил конец указ императора: «Чтобы найденные в имуществе преступника Анненкова 60 тысяч рублей были истребованы обратно от наследников и отданы жене его, Полине Анненковой. Прижитой же с нею преступ-

ником Анненковым дочери позволить носить фамилию Анненкова, не предоставляя ей, впрочем, никаких других прав по рождению, в том числе и права наследования». После этого указа в Симбирск, где жил кузен Ивана Александровича Н. Н. Анненков, прибравший к рукам те 60 тысяч, был послан жандармский полковник, который и истребовал с него всю сумму в наличных деньгах. Изъятая сумма была отвезена в Петербург и сдана в канцелярию государя. Оттуда деньги отправили в Читу, где их получил генерал Лепарский и лично привёз Прасковье Егоровне. Эти 60 тысяч отправили обратно в Москву, где их поместили в банк, а в Сибирь высылали проценты, на которые Анненковы и прожили весь свой долгий срок каторги и последовавшей ссылки.

Предводительница дворянства

Тут надо уточнить, что для сосланных в Сибирь по «политическому делу» всё было не так уж страшно. В записках декабриста М. А. Бестужева, отбывавшего наказание вместе с Анненковым, остались довольно занятные описания этой каторги: «От казны получали мы по 3 копейки ассигнациями и на 2 копейки муки. По положению варить и печь должны были мы сами, но когда мы прибыли в Читу, кухни ещё не выстроили, а потому кушанье варили на подряде у горного начальника Читы Смольянинова, на дочери которого потом женился Завалишин». То есть питание арестантов до проезда к ним жён находилось в руках милейшей Фелицаты Осиповны Смольяниновой – сводной тётки Анненкова и покровительницы арестантов. Что касается самих работ: «В Чите нас водили на земляную работу – но это была только приятная прогулка – мы выходили с книгами в руках и располагались в тени для чтения. Охотники ровняли дорогу. На Петровском заводе, куда нас перевели из Читы три года спустя, для работ была устроена мельница с ручными жерновами, на которой, ежели нам было угодно, то мололи, для моциона». От «близкого общения» ссыльных с жёнами ещё в Чите, к немалому смущению начальства, стали один за другим родиться дети. Прасковья Егоровна родила дочь Аннушку.

Перевод на Петровский завод расстроил декабристов и их близких: всё-таки они уже обжились в Чите, завели кое-какое хозяйство, которое пришлось бросить. Да к тому же климат местности, в которой был устроен Петровский завод, был много хуже читинского, а потому все тужили об этом переезде, но, как оказалось, напрасно. На новом месте всё обустроилось, а так как завод был ещё дальше от начальства, чем читинский острог, то постепенно, легальными и тайными усилиями, жизнь арестантов была облегчена. Постепенно им дозволили иметь книги, писать, читать. Прасковья Егоровна Анненкова была неистощима на выдумки и, по общему признанию, умела «устроить самые разные дела». Эта дама обладала чрезвычайными пробивными способностями, а главное, затвердила урок жизни в России: дав денег, можно добиться чего угодно. На жизнь она смотрела со здоровым цинизмом, и потому к ней обращались за помощью в таких делах, с которыми к кому попало не подойдёшь. Именно она взялась решить проблему мужского одиночества каторжников. Эту тему как-то не принято затрагивать, но следует признать, что после того, как к нескольким каторжникам приехали жёны, остальные оказались в незавидном положении. Личная жизнь товарищей протекала практически у них на глазах, а оттого переносить одиночество молодым, полным сил людям было труднее. Анненкова нашла выход: она наняла здоровую девку, подкупила водовоза, доставлявшего воду в острог, дала денег часовым у ворот, и ту девку в пустой бочке вечером ввезли в острог. Утром героическую утешительницу вывезли в той же бочке. Впоследствии подобный трюк удалось повторить несколько раз в полной тайне. Потом начальство всё же прознало об утехах арестантов, однако шума поднимать никто не стал – видимо, командование расценило, что так будет проще: одной проблемой меньше, пусть себе.

Иван Александрович отбыл на каторге десять лет и был выпущен на поселение. Потом ему разрешили поступить в статскую службу, они с Прасковьей Егоровной осели в Тобольске, зажили скромно, душа в душу. За те тридцать лет, что они прожили в Сибири, Полина (Прасковья – ред.) Анненкова-Гебль родила мужу много детей, из которых выжило шестеро. Дети получили приличное образование, дочери достаточно удачно вышли замуж. Анненковы уже в 1850-х годах вернулись из ссылки, а так как жить в столичных городах им было запрещено, то поселились в Нижнем Новгороде, где Иван Александрович несколько раз был избираем предводителем уездного дворянства и служил при губернаторе Муравьеве, также бывшем декабристе. Имущество, оставшееся от матери, им пришлось добывать путём судебной тяжбы, ибо родственники сумели-таки оформить опеку над частью наследства Анненковой, которая под старость лет разорилась совершенно. Ивану Александровичу удалось отстоять выплату 100 тысяч рублей для себя и такой же суммы для старшей дочери, а кроме того, ему перешли несколько имений.

Любопытно, но «декабрист» Анненков как барин проявил себя расчётливым и жёстким хозяином, не дававшим крестьянам никакой поблажки в отношении недоимок, потрав и прочего. Он строго высккивал с нерадивых старост, а в письмах к старшему сыну наставлял его применять самые решительные меры к ликвидации крестьянской задолженности и рекомендовал «особенно не церемониться в выборе средств».

Полина умерла первой, в сентябре 1876 года, но вместе с её смертью кончилась жизнь и для Ивана Александровича: повредившись рассудком, он гнал прочь людей, приехавших выразить сочувствие, чудил в церкви при отпевании. Впав в безумие, он прожил на попечении детей чуть больше года, после чего и сам в январе 1878 года покинул этот мир. Похоронили их рядом, на кладбище нижегородского Крестовоздвиженского монастыря. В советское время прах обоих был перенесён на Бугровское кладбище. Внуки Анненковых после революции покинули страну и осели в эмиграции, опубликовав за границей воспоминания о бабушке и дедушке. ■

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА С ЛИРОЙ В РУКАХ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Вечная и «дурная» слава великой Сафо

Легенда, возникшая уже в античную эпоху, рассказывает о том, как прославленная, но уже немолодая Сафо страстно полюбила юного Фаона. Юноша с почтением относился к великой поэтессе, но ответить на её чувства не захотел. В отчаянии Сафо бросилась с Левкадской скалы.

Эта легенда послужила темой для множества стихов и пьес. Обращались к сюжету и русские поэты.

Правдиво в этой истории лишь то, что поэтесса дожила до глубокой старости и в своих стихах горько сетовала на седины и морщины.

Легенда возникла на основе более древнего мифа. Однажды житель острова Лесбос Фаон перевёз в своем челноке богиню любви Афродиту и не взял с неё платы. В награду богиня подарила перевозчику волшебное снадобье, сделавшее его молодым и красивым. После чего сама Афродита, говорят, покорилась его чарам, где уж тут было устоять стареющей поэтессе!

Другое предание повествует о любви Сафо и знаменитого поэта Алкея. Основания для этой легенды есть: поэт и поэтесса были современниками, земляками и людьми одного круга. Они ценили творчество друг друга и даже обменялись посланиями. Алкей писал весьма игриво:

Сафо фиалкокудрая, чистая,
С улыбкой нежной! Очень мне хочется
Сказать тебе кой-что тихонько,
Только не смею: мне стыд мешает.

Сафо даже как будто обиделась:

Когда б твоя цель была высока и прекрасна,
Не будь нескромным, что ты сказать хотел, –
Ты взгляд тогда бы не опускал стыдливо,
Сказал бы прямо всё, что хочешь.

В действительности вряд ли Алкей и Сафо могли любить друг друга. Их поэтическая переписка была своего рода литературной игрой. Они принадлежали к двум разным кланам и противоборствующим партиям.

Мифологизация личности Сафо вполне естественна. Сам остров Лесбос был для Эллады своего рода «островом поэзии». Согласно одному преданию, именно к берегу Лесбоса волны принесли голову убитого Орфея, легендарного поэта, и эта голова ещё долго жила и даже пророчествовала.

Мифы и реальность острова Лесбос

Лесбос – один из самых крупных греческих островов в Средиземном море. Он расположен далеко от берегов Эллады, зато до Малой Азии, нынешнего западного побережья Турции, рукой подать. Поэтому весь уклад жизни на Лесбосе был, если можно так выразиться, немного с восточным акцентом.

Аристократические семьи на Лесбосе вели свои родословные от первых греков-эолийцев, переселившихся на остров. Представители этих кланов заседали в

Сафо и Эринна с митиленским садом (с полотна английского художника Симеона Соломона, 1864)

Совете, из знатнейшей династии Пенфилидов происходили все цари Лесбоса. Были кланы не столь почтенные, приплывшие позднее. Эти эолийцы не считали зазорным родниться с семьями другой крови, занимались торговлей и вели дела с простыми горожанами.

Вот в такой семье, не самой аристократической, но достаточно знатной, родилась будущая поэтесса Пса́пфа – так произошло по-эолийски её имя. Уже позднее, когда оно прогремело по всей Элладе, его переименовали в Са́пфо, а ещё позже, с появлением французских переводов её стихов, оно превратилось в Сафо́.

С детских лет Сафо участвовала в праздниках, свадебных обрядах, религиозных мистериях, славивших богиню любви Афродиту, богиню земли и плодородия Геру, богиню дикой природы и охоты Артемиду. Женщины и девушки несли гирлянды цветов и пели гимны, воспевали любовь и животворящие силы.

В Древней Греции жреческие функции очень часто исполняли женщины. Чаще всего они были жрицами храмов и прорицательницами. При некоторых храмах практиковалась так называемая храмовая проституция – «жрицы любви» отдавались любому желающему, и такой половой акт считался мистическим слиянием с божеством.

Но были и, так сказать, неформальные жрицы: женщины одного круга собирались в доме одной из подруг, разучивали гимны и ритуальные действия, а потом исполняли их на свадьбах и во время священнодействий. Кроме того, женщины практиковали свои, тайные мистерии, исполняли особые гимны и молитвы, которые никогда не звучали на публике, тем более при мужчинах, но только в своём кругу.

Такой кружок женщин-жриц собирался и в доме Скамандронима, отца Сафо. Можно сказать, что девочка с малых лет росла в атмосфере обожествления любви.

Однако за стенами родного дома, на улицах Митилены – столицы Лесбоса, бушевала не любовная страсть, а лютая

Живой ум, талант и темперамент освещают женщину изнутри, наделяют особым очарованием.

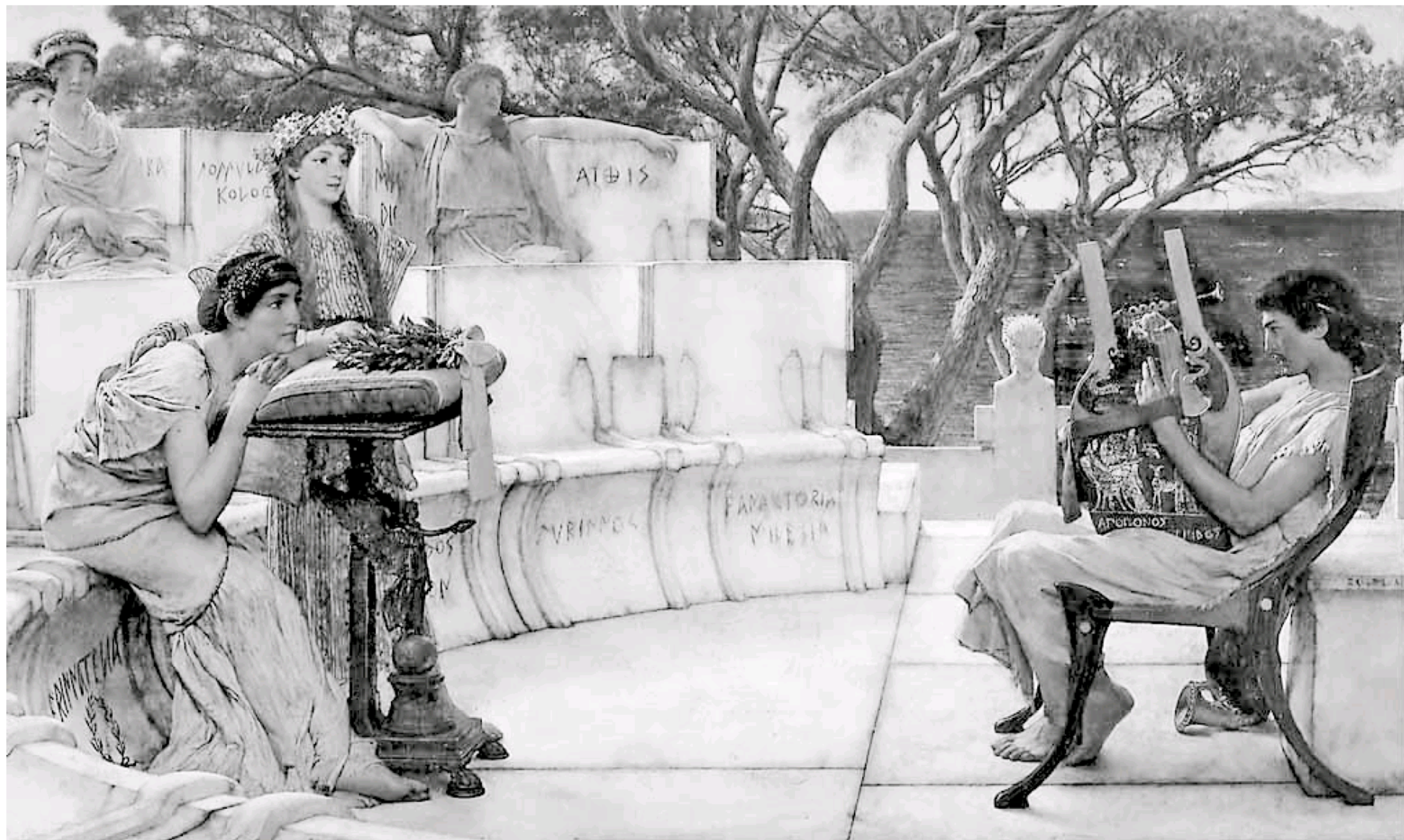
Сафо вышла замуж, у неё родилась дочь. Семейная жизнь Сафо и её супруга вряд ли отличалась от жизни других знатных греческих семей. В древности женились и выходили замуж по воле родителей. Если и была поначалу любовь между новобрачными, то этот дар Афродиты не вечен. И по прошествии нескольких лет супруги отдавались друг от друга. Мужья жили своей жизнью, жёны – своей. Мужской мир был на виду: война, политика, развлечения – бани, гетеры, юноши. Женский мир был более закрытым, потаённым.

В доме Сафо сложился кружок, своего

кнул поэтессу к созданию «пансиона благородных девиц». Ведь совсем юная Сафо стала женой, будучи совершенно не готовой к браку, и в результате – что она могла испытать в интимной жизни, кроме разочарования? Разумеется, в античном мире любой юноша или девушка знали мифы о богах и героях (собственно говоря, это и была религия Древней Греции), и эти истории пронизаны эросом, наполнены эпизодами любви и страсти, измен и ревности. Но всё это, так сказать, теория. И если юноши, как правило, обретали опыт добрых интимных отношений, то девушкам это строго возбранялось. Невеста из порядочной семьи должна была взойти на брачное ложе девственни-

Видишь, страсть её вновь
Над тобою птицей парит...
О, я этому рада!

Кроме этой «сладкой парочки», из стихов Сафо мы узнаём имена других её подруг и воспитанниц: Аттида, Телесиппа, Плейстодика, Мегара, Анагора, Эвника, Анактория, Кидро, Мика, Гирино, Мнасидика, Археанаса, Дика, Горго, Андромеда, а также ещё много девушек, не названных по именам, – «девушки из Пирей и Мефимны». На глазах наставницы они из неловких подростков превращались в прелестные создания. Красота – это ещё одно божество Древней Греции, может быть, самое могущественное. Физическая

Сафо и Алкей (с картины английского живописца Лоуренса Альма-Тадема, 1881)

ненависть. «Новая аристократия», вроде отца Сафо, и простые горожане давно возмущались произволом царя Пенфила. Против Пенфила созрел заговор, его возглавил Меланхр из рода Клеанактидов, и началась, по сути дела, гражданская война. В одной из стычек погиб отец Сафо.

Правителем Лесбоса – тираном по тогдашней терминологии – стал глава заговорщиков Меланхр. Он пытался опереться на поддержку народа без посредничества аристократии. Для этого устраивал поэтические и драматические зрелища, выступления хоров. На этих представлениях впервые прозвучали стихи Сафо. Тогда стихи не читали, а пели под аккомпанемент струнных инструментов – лиры, кифары или арфы.

Школа им. Сафо

О внешности Сафо ещё в античную эпоху спорили философы и поэты. Платон называл её прекрасной. Другой философ соглашался, хотя и с оговорками: «Мы можем так её называть, хотя и была она смуглокожей и маленького роста».

Да, Сафо не соответствовала идеалу античности – грекам и римлянам нравились статные белокурые женщины со светлой кожей. Но Сафо «брала» не этим.

рода салон, где собирались просвещённые женщины Митилены, звучали стихи и песни, исполнялись танцы и мистерии. Круг поклонниц Сафо ширился. Её стихотворные гимны и молитвы были проникнуты таким личным чувством, такую страстью, что окружающие убеждались: поэтесса непосредственно общается с богами. «Говорила я во сне с Кипридой», – писала Сафо. На её зов богиня любви являлась, «колесницей правя золотою», и благосклонно выслушивала её мольбы:

Зевса дочь, Афродита бессмертная,
Не терзай досадою, горем горьким
Мою душу...

У Сафо появились воспитанницы – юные девушки, которых Сафо учила основам религии, изящным искусствам, благородным манерам, а главное – готовила к будущему браку. Постепенно поэтесса стала наставницей своего рода закрытой школы «воспитания чувств». Девушки из благородных семейств Лесбоса поступали туда подростками, а выходили в расцвете женственности прямо под венец. Принимала Сафо под своё попечительство и девушек-беженок. Немало семей переселялось на Лесбос из греческих городов Малой Азии, постоянно подвергавшихся нападению местных царей. Отдельную группу воспитанниц составляли рабыни, их не учили специально, они были «невольными слушательницами» и участницами занятий.

Вероятно, собственный опыт подтол-

цей. Где и как могла девушка приобрести чувственный опыт, который открыл бы ей высокое предназначение женственности, кто научил бы её принимать дары Эроса и Афродиты?

Для этого и создавала поэтесса свой Сафический фиас – религиозно-мистическое сообщество, в котором служение музам сочеталось с поклонением женским божествам. При этом дружба и любовь между воспитанницами, а также между наставницей и ученицами, были неременным условием.

Уроки разврата? Уроки любви!

Такое воспитание чувственности не было открытием Сафо. Мистерияльные оргии женщин были широко распространены во время аграрных празднеств, посвящённых, например, богине Гере. Женщины-жрицы уподоблялись матери-земле и «разогревали» друг друга сексуальными ласками. В этом эротическом театре исполнительницы изображали лоно земли, истекающее влагой, готовое раскрыться и принять в себя семя.

Постепенно сестринская дружба между воспитанницами превращалась в любовь. Сафо считала, что, научившись любить подругу, девушка научится любить и принимать любовь будущего мужа. Поэтесса восторженно воспевала отношения, возникающие между подружками.

В руки арфу возьми, Абантис,
И спой о подруге Гонгилле!

красота юноши или девушки, мужчины или женщины была главной причиной возникновения любви. При этом влечение к особе того же пола не осуждалось. В личной жизни запрещалось только кровосмешение и порицалась супружеская измена. Например, греки сурово осуждали жену спартанского царя Елену, из-за которой разгорелась Троянская война. Но Сафо и тут была самостоятельной в суждениях, она первой оправдала Елену – ведь она любила, значит, неподсудна:

Красотою всех на земле покоряя,
Елена всех позабыла –
И мужа, и дитя родное:
Гнала беглянку сила Киприды.

Сафо часто влюблялась в своих воспитанниц. И это были сильные, глубокие чувства. Поэтесса мастерски передавала душевное смятение нарождающейся любви: «Эрос вновь меня мучит истомчивый – / Горько-сладостный, необоримый змей». Затем страсть охватывала её: «Страстью я горю и безумствую...» Ревновала: «Иль кого другого ты любишь больше, / Чем меня?» Горевала, если девушка охладела к ней: «...обо мне же ты забыла». И жаловалась: «Те, кому я / Отдаю так много, всего больше / Мук причиняют».

Впрочем, бывало, что и сама отвергала чужую любовь, иногда и с насмешками: «Противней тебя я никого, / Милая, не встречала!»

Сафический фиас напоминал большую семью, жизнь которой могла бы послу-

жить сюжетом длинного телесериала. Вот, например, такая сюжетная линия: много лет длилась привязанность Сафо к одной из воспитанниц – Аттиде. Поэтесса приняла её под своё крыло ещё девочкой и впоследствии вспоминала: «Ты казалась мне ребёнком невзрачным, маленьким», – тогда она могла вызывать в наставнице разве что материнские чувства. Но вот девочка стала красивой девушкой, и расцвела любовь, увенчавшаяся восторгом обладания: «И на негою дышащем ложе / Ты со мной извивалась в страсти». Увы, затем пришла измена, Аттида предпочла другую: «Было время, тебя я, Аттида, любила... / Ты же и вспомнить меня / Не желаешь. К Андромеде стремишься ты». (Кстати, измена одной из подруг, так сказать, в одностороннем порядке, считалась «несправедливостью».) Но прошло ещё время, и Аттида покинула фиас, уехала за море в Сарды, столицу Лидийского царства. И теперь уже вся «семья» с тоской вспоминала общую подругу: «Аттиды нет! / И томит её плен разлуки сирой. / И доносит из-за моря / С плеском волн горьких жалоб отзвук».

Но было и совершенно новое, небывалое, что привнесла Сафо в практику своего фиаса, – это создание «тройственных союзов». Педагогическая мысль тут заключалась в следующем: в самом деле, чему могут научиться друг у друга две юные девушки, почти девочки? А вот если в их дружеском и любовном общении, тем более в эротических играх, будет непосредственно участвовать более опытная партнёрша, умело направляя и нежные слова, и ласки... На практике это выглядело так: «Пусть будет Плейстодика супругою Горго, вместе с Гонгиллой...» Но при этом в фиасе Сафо не было подчинения младших подруг старшим или самой наставнице.

Важнейшим действием в Сафическом фиасе были те самые мистерии, или ночные бдения, своего рода практические занятия, которые освящали взаимоотношения между всеми участницами. Что же там происходило, за закрытыми дверями? Мы бы так и не узнали, если бы Сафо не проговорила об этом в разных фрагментах стихов. Сначала юные жрицы увенчивали друг друга цветочными венками и гирляндами, как новобрачных: «В изобилии плечи твои одевались / Венками из роз и фиалок, / И много цветочных гирлянд / Сплетались вокруг шейки твоей...» Выбор цветов был неслучаен – розы как символ раскрывшейся чувственности и фиалки, загадочные знаки томления. Затем девушки умащали себе грудь «миром изобильным, благоуханною царскою мазью», что и поныне считается действенным способом эротического самовозбуждения и одновременно соблазнения партнёра. Кульминацией ночного бдения было совместное возлежание «на мягком ложе», где «утолялась страсть». Так, по убеждению Сафо, в состоянии эротического возбуждения и священного экстаза, должны были вступать в супружество её воспитанницы.

Не будем судить слишком строго женщин той древней поры. Их мир лишь в ничтожной степени отражал мужской мир со всеми его пороками. Уж на что, казалось бы, добродетелен был Сократ. Так ведь и он любил своих учеников – в самом прямом смысле слова. Один античный автор, Максим Тирский, так рассуждал на эту тему: «А любовь Лесбийки, что она как не то же самое любовное искусство Сократа? Кажется мне, что оба они отдавались одной и той же любви, она – женской, а он – мужской. Они говорили, что ко многим пылают страстью и что пленяет их всякий, кто прекрасен. Чем для Сократа были Алкивиад, Хармид и Федр, тем для Лесбийки – Гиринна, Аттида и Анактория...»

Почти десять лет Сафический фиас в Митилене процветал. Дело ещё и в том, что Сафо получала, как сейчас сказали бы, помощь зарубежного спонсора.

«Интердевочки» в подарок

Имя лесбосского тирана Мирсила – малоазиатского происхождения. Возможно, он был связан с восточным берегом даже родственными узами. Поэтому во внешней политике лесбосский правитель чаще смо-

Антуан-Жан Гро. Сафо на Левкадской скале. 1801. Согласно легенде, поэтесса бросилась в пропасть, мучимая безответной любовью к юному Фаону

трел на восток, чем на запад. А на востоке в это время усилилось царство Лидия.

Это была страна воинственных всадников, искусных коневодов. Лидия не имела больших городов, высокой культуры, лишь недавно обзавелась собственным алфавитом. Но лидийские цари, как все восточные владыки, любили богатство, предметы роскоши, произведения искусства, содержали большие гаремы. Всё это они добывали мечом. Лидия покорилась все греческие города-колонии в Малой Азии. Имя одного из царей лидийских стало нарицательным – его звали Крёз.

Лидийцы легко захватили бы и греческие острова в Средиземном море. Но, к счастью, они были хорошими всадниками, а мореходами никакими. Правда, корабли можно купить, а мореходов нанять.

Всё это прекрасно понимал Мирсил и решил, что с лидийскими царями необходимо ладить, даже ценой признания их превосходства.

Со своей стороны, лидийский царь Алиатт поддерживал лесбосского тирана и лояльные ему кланы. В частности, постоянно посылал Сафо и её ученицам тот самый мирр – «благоуханную царскую мазь», дорогие одежды, лидийские арфы – пектиды.

А в качестве ответного дара Мирсил должен был поставлять ко двору лидийского владыки греческих девушек и рабынь. Алиатту уже наскучили грубые лидийки, он хотел окружить себя изысканными гречанками, искусными в пении, танцах и ласках... Где набирал Мирсил наложниц для лидийского царя? Разумеется, в доме Сафо. Некоторые её воспитанницы «блестали среди жён

лидийских», но цена спонсорской помощи была слишком высока.

Тогда «живые подарки» были в порядке вещей. Геродот писал, что в то же самое время из Коринфа к Алиатту были отправлены «300 сыновей знатных людей для оскопления». Такой жертвы требовала малоазиатская великая богиня Кмбеба (Кибела). Несколько позднее греки, колхи и эфиопы посылали девушек и мальчиков персидскому царю.

Расставанию с подругами и возлюбленными, увозимыми в Лидию, посвящено немало горьких строк Сафо.

Мнится, легче умереть, – Лишь вспомню слёзы в час прощанья:

«Псапфа! О, несчастны мы!
Псапфа! Как от тебя мне оторваться?»

Воспитанницы Сафо пополняли гарем Алиатта, а её рабыни поступали в храмы Кмбебы проститутками. Однако жизнь девушек при дворе оказалась не такой уж тяжёлой, Алиатт был к ним добр и щедр. После смерти царя над его могилой насыпали высокий курган, а землю носили руками его безутешные наложницы и рабыни. Так что этот холм позднее прозвали «памятником разврата».

Тем временем на Лесбосе снова нарастало недовольство, положение Мирсила было шатким. Тиран пригласил в соправители Питтака – «худородного» мельника, который когда-то привёл его к власти. Это был опрометчивый поступок. Питтак помог Мирсилу подавить заговор знати, но в конце концов народное собрание избрало Питтака царём, а Мирсил бежал из Митилены.

Правление Питтака было благом для всего Лесбоса. Он ввёл мудрые и справедливые законы, ничего не требуя для себя. Его причислили к «семи мудрецам» Эллады. Но, к несчастью, семья Сафо поддерживала Мирсила, и ей тоже пришлось отправиться в изгнание.

Почти десять лет Сафо жила на

Сицилии, в Панормосе (ныне Палермо). Но именно тогда её слава распространилась по всей Греции. Её изображения стали появляться тут и там, наряду с богами и героями, строки её стихов не только переписывали на папирусах, но и наносили на глиняные сосуды. Кстати, благодаря этому до нас дошли многие фрагменты: глина прочнее бумаги.

Когда Сафо смогла вернуться на Лесбос, ей было уже за сорок. Это весьма почтенный возраст для женщины той эпохи. Её дом по-прежнему был «домом муз», но в прежнем виде Сафический фиас не возродился. Страсти утихли в душе поэтессы, им на смену пришли размышления о вечном: «Одно богатство – спутник ненадёжный, / Коль не шагает рядом добродетель».

Много огорчений доставил ей на склоне лет беспутный брат Харакс. Он успешно торговал оливками и вином (лесбосские вино и оливки считались лучшими в Греции), но однажды влюбился в красивую рабыню одного митиленца, звали её Дориха (Родопис). Выкупил ли Харакс рабыню, или она убежала от хозяина, только уплыли они вместе в Навкратис, греческую колонию в дельте Нила.

Сафо, как в прежние годы, обратилась с мольбой к своей заступнице Афродите, чтобы она «отсушила» брата от распутницы, вернула его семье. Но богиня любви не явилась к Сафо. Видно, у богини появились новые любимцы, да и просьба поэтессы была какая-то уж очень прозаическая...

Тем временем Дориха вытянула из Харакса все деньги, и он вернулся домой гол как сокол. А Дориха стала самой знаменитой гетерой в колонии. Когда она умерла, её многочисленные любовники воздвигли на её могиле роскошный памятник.

Сафо старела. Это тяжкое испытание для любой женщины. Особенно для поэтессы, которая, как писал современник, «любила с лирой в руках». И всё-таки, когда уже некого больше любить, остаётся последняя, великая любовь – любовь к жизни.

Смерть – это зло. Так установлено богами:

Когда б не так, то боги были б смертны.

Возможно, эта мысль поддерживала Сафо в последние годы.

Платон назвал Сафо «десятой музой». Она, не таясь, открыла свою душу, а в ней – безграничный мир любви.

Подлинным шедевром лирики Сафо считается стихотворение без названия, которое в русской литературе получило наименование «2-я ода». Её переводили и пересказывали выдающиеся поэты разных стран. В России начиная с XVIII века к ней обращались Н.А.Львов, В.А.Жуковский, А.С.Пушкин, Д.В.Давыдов, многие другие поэты. Оказалось, что все названные поэты переводили 2-ю оду Сафо именно в пору своей влюблённости, это было для них выражением пылкого признания.

Больше 30 лет назад вышел знаменитый альбом Давида Тухманова «По волне моей памяти» (1975 год). Вторым треком диска была как раз песня на стихи Сафо, та самая 2-я ода. Накал страсти буквально потрясал, да и музыка была хороша. Однако неспорченный советский слушатель не понимал, какая драматическая ситуация отражена в этих стихах.

По большому счёту, состав действующих лиц и их половая принадлежность не столь уж важны – на такую надмирную высоту вознесла Сафо свою любовь. Но... Поэзия – одно, а проза жизни – другое. Мало кто знает и ценит стихи Сафо. Её поэтическую славу заслонила её, что называется, «дурная слава». Имя Сафо и название родного острова Лесбос стали нарицательными для обозначения женской однополой любви.

И в поэтическом, и в эротическом отношении у Сафо появилось множество последователей, в том числе в России. В жизни и творчестве некоторых русских поэтесс эти две ипостаси соединялись. Кто они, «русские Сапфы», как говорили и писали о поэтессах в XIX веке? Кто они, «русские амазонки» Серебряного века? Но это уже тема другого рассказа. ■

СЕРЕБРЯНЫЕ АМАЗОНКИ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Наследницы Сафо в XX веке: великая Марина, Зинаида с портрета Льва Бакста, печальная Поликсена по имени Allegro и другие

Интерес к вопросам пола был характерной чертой русской интеллектуальной и художественной жизни на пороге и в начале XX века. В частности, много спорили об особенностях женской сексуальности. Женщины-поэты преступали вековые табу. Ныне забытая поэтесса Мария Шкапская заставила заговорить и самоё женское тело. Шкапская вслед за Сафо доводила эмоциональность стихов до явственных физических ощущений.

Было тело моё без входа...

– писала она от имени девушки. От имени ликующей женщины, зачавшей от любимого мужчины:

Как много женщин ты ласкал
и скольким ты был близок, милый.
Но нёс тебя девятый вал
ко мне с неудержимой силой.
...Что вся твоя и вся в огне,
полна тобой, как мёдом чаша.
Пришёл, вкусил и весь во мне,
и вот дитя – моё, и наше.

Любовь женщины к женщине не стала открытием русской богемы. Тема женского гомосексуализма давно обсуждалась в европейской литературе и публицистике. А практиковались эти отношения всегда и везде – и в аристократических кругах, и в женских учебных заведениях, монастырях и тюрьмах, но потаённо.

К «зарубежному опыту» сафических отношений обратилась талантливая русская писательница Аделаида Герцык. В начале века Аделаида полюбила известного юриста и поэта А.М.Бобрищева-Пушкина, который был много старше её и женат к тому же. Под влиянием этого чувства Герцык начала писать стихи. Но в 1903 году её возлюбленный внезапно скончался. Аделаида пережила такое сильное потрясение, что почти потеряла слух. Но это же потрясение словно открыло ей внутренний, поэтический слух. Её стихи начали печататься в журналах, в 1910 году вышел первый сборник. Один цикл стихов под названием «Из круга женского» обращён к памяти Сафо и проникнут стремлением разгадать тайну женской души. Аделаида Герцык написала и несколько книг прозы.

В очерке «История одной дружбы» она рассказала о духовном и интимном союзе немецкой писательницы Беттины Брентано (в замужестве фон Арним) с поэтессой Каролиной фон Гюндероде. «Страстная дружба» Беттины и Каролины стала для русских женщин-поэтов начала века, если угодно, идеальным примером. Конечно, и эта дружба-любовь не была безоблачной. Каролина, старшая из подруг, была натурой сложной, отчасти истерической. Она вечно сомневалась – и в собственном таланте, и, очевидно, в чистоте взаимоотношений с подругой. Однажды она показала Беттине кинжал, который всегда носила с собою. В 1806 году этим самым кинжалом она закололась...

Именно по отношению к Беттине и появилось новое (старое как мир!) наименование «амазонки» – как символ самодостаточных женщин, полностью отделивших себя от мира мужчин.

Романтическая связь с Каролиной оказалась лишь коротким эпизодом в долгой жизни Беттины фон Арним. Она воспела свои отношения с подругой-любовницей, но вскоре вышла замуж, воспитала семерых детей и оставила заметный след в культуре Германии. Ещё недавно, когда германской валютой были марки, портреты Беттины фон Арним украшали банкноты в 5 и в 1000 марок – очевидно, чтобы её помнил и бедный немец, и богатый.

Так и Аделаида Герцык, отдав дань восхищения своим героиням, стала счастливой женой и матерью, успешной писательницей, хозяйкой литературного салона в Петербурге и дачи в Крыму, где также бывали и гостили поэты, писатели и философы. Там, в Судак, поэтессу застала революция. Аделаида Герцык побывала даже в тюрьме. В подвале ВЧК она написала цикл стихотворений «Подвальные». Молодой следователь, которому стихи очень понравились, освободил поэтессу в обмен на авторскую рукопись этих стихов. Да, в то время поэзия ещё иногда спасала. Позднее – только губила.

Аделаиде Герцык так и не удалось покинуть прекрасный и проклятый «остров Крым», она влачила жалкое существование, и только новые стихи наполняли её жизнь смыслом. Писательница умерла в Судак в 1925 году.

Декадентская мадонна

Знаменитая поэтесса Зинаида Гиппиус была эффектной женщиной, но одновременно напоминала и мужчину. Часто носила муж-

ской костюм – так, на портрете кисти Льва Бакста она изображена в образе английского щёголя XIX века. Некоторые стихи Гиппиус писала от имени мужчины. В её облике словно воплотилось ещё одно модное понятие того времени: андрогин – существо, сочетающее в своем физическом и психологическом облике черты мужественности и женственности. В движении человеческого интеллектуальной элиты видели тогда его будущее. Современницы-женщины считали поэтессу гермафродитом (вообще женщины её не любили), мужчины были к ней мягче. С.Маковский, редактор знаменитого журнала «Аполлон», писал, что «телесная женскость Гиппиус была недоразвитой; совсем женщиной, матерью сделаться она физически не могла».

Зинаида Гиппиус увлечённо исполняла то одну, то другую роль. Сначала она создавала имидж «декадентской мадонны», женщины-вамп, для которой нет морали, нет запретов.

И я такая добрая,
Влюблюсь – так присосусь.

В облике Зинаиды Гиппиус словно воплотилось модное понятие ее времени: андрогин – существо, сочетающее черты мужественности и женственности.

Как ласковая кобра я,
Ласкаясь, обовьюсь.

А потом – брак с писателем и философом Д.С.Мережковским. С одной стороны, она живёт с Мережковским, по её словам, «не разлучаясь ни на один день», с другой – демонстративно носит длинную косу, как знак девичьей нетронутости.

Эта семья экспериментировала с отношениями троём: в 1905 году Гиппиус и Мережковский сблизилась с литературным критиком Д.В.Философовым. Его женщины не интересовали, одно время он был возлюбленным мецената и учредителя «Русских сезонов» в Париже Сергея Дягилева. Позднее Гиппиус, Мережковский и Философов жили в одной квартире. Гиппиус старалась подвести под этот союз некое религиозно-теоретическое обоснова-

ние: писала о «триединой семье» в человеческом понимании, приплетая сюда и Троицу... Она писала Философову: «Было бы проще и удобнее, если б ты был женщиной... Я бы за тобой «ухаживала» (как мне часто и хотелось)».

Если верить воспоминаниям Мариэтты Шагинян, написанным ею в очень преклонном возрасте, то З.Гиппиус намечала и её на роль «третьей». В ту пору Шагинян была ученицей Мережковского, но по своей наивности не понимала, что происходит в «нехорошей квартире». Глаза ей открыл философ-священник Павел Флоренский, сказав: «Не секрет для читающей публики, что Зинаида Гиппиус – особа извращённой морали, опасная для молодых девушек». Но поскольку Мариэтта по-прежнему ничего не понимала, отец Павел вздохнул, написал на листке из блокнота греческое слово и показал его девушке. Шагинян и этого слова не знала, но сделала вид, что поняла. Во всяком случае, честь и репутация юной поэтессы были спасены.

Да, были у Зинаиды Гиппиус и любовницы: в юности кузина Соня, в зрелом возрасте – поэтесса Поликсена Соловьёва. И уже в тридцатые годы в эмиграции сложились «любовно-братские» отношения с писательницей Татьяной Мануиной.

К этому времени Гиппиус уже разобралась в своих предпочтениях. Она действительно была женщиной андрогинного склада, испытывала сексуальное желание только внутри себя, оно не было направлено вовне, не имело объекта. Она не хотела какой-либо определённой формы любви, все формы её в равной степени не удовлетворяли, а если и испытывала влечение, то лишь к женщинам и мужчинам «с двоящимся полом». «Мне нравится тут обман возможности, – писала Гиппиус. – Это мне ужасно близко».

Печальная амазонка по имени Allegro

Поликсена Соловьёва была последним, двенадцатым ребёнком в семье выдающегося историка В.С.Соловьёва. Её родным братом был философ и поэт Владимир Соловьёв, оказавший огромное влияние на умы современников.

Поликсена проявляла равные способности к поэзии и рисованию, занималась в Школе живописи, ваяния и зодчества. Её иллюстрации и виньетки охотно печатали столичные журналы. Стихи Поликсены были известны даже гимназиям, так как несколько стихотворений вошло в хрестоматию. Как поэтесса она дебютировала в 1885 году, а с 1895-го стала писать под псевдонимом Allegro. Все стихи писала от лица мужчины. Благодаря авторитету семьи, особенно брата, Поликсена познакомилась с ведущими поэтами и философами Петербурга, бывала и на «Башне» Иванова, и в салоне Зинаиды Гиппиус. Об интимной связи двух поэтесс известно только со слов Гиппиус. Косвенным подтверждением со стороны Соловьёвой можно считать её стихотворение, посвящённое «декадентской мадонне»:

Чем леденей и ближе дышит смерть,
Тем жарче алость поцелуя,
И стонет страсть в надгробном
«аллилуйя»...

Однако ранние стихи Поликсены были слабыми, подражательными. Неумеренные похвалы сильно повредили её творчеству. И только второй сборник «Иней» (1905) можно считать зрелым. Александр Блок писал о нём: «И вот мы встречаем новую и тихую поэзию».

Мы, как встарь, идём рука с рукою
Для людей непонятной четой:
Я с моею огненной тоскою,
Ты – с твоею белою мечтой.

Сборник «Иней» был посвящён Наталье Ивановне Манасеиной, детской писательнице, подруге и спутнице жизни Поликсены Соловьёвой до последних её дней. Подруги основали и издавали детский журнал «Тропинка», который был в ту пору лучшим детским изданием. Благодаря усилиям Соловьёвой, в журнале печатались А.Блок, Фёдор Сологуб, Андрей Белый, К.Бальмонт, К.Чуковский, Саша Чёрный, Л.Зиновьева-Аннибал, А.Ремизов, З.Гиппиус. Для «Тропинки» рисовали И.Билибин и М.Нестеров. Именно в этом журнале дебютировали Сергей Городецкий и Алексей Толстой. «Тропинка» одной из первых опубликовала сказку Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» в переводе Поликсены Соловьёвой. Под издательской маркой «Тропинка» выходили также детские книжки и книги для взрослых на темы вос-

Цикл стихов «Из круга женского» Аделаиды Герцык (фото слева) был проникнут стремлением разгадать тайну женской души. Фото в центре: Философов, Гиппиус и Мережковский предприняли попытку «любви втроём». Вверху: Поликсена Соловьёва, подруга Зинаиды Гиппиус и писательницы Натальи Манасеиной

питания. В 1908 году на выставке «Искусство в жизни ребёнка» в Петербурге издательство «Тропинка» было награждено золотой медалью.

Мало кто заметил в стихах Allegro завуалированные «сафизмы»:

Ты была девочкой беленькой
и маленькой...

– этот стих так напоминает обращение Сафо к любимой Аттиде: «Ты казалась мне ребёнком невзрачным, маленьким...» Но у Поликсены Соловьёвой любовь к девочке в этом стихотворении – это ещё и тоска несостоявшейся матери, плач по ребёнку, которого нет и быть не может.

Порой моё сердце внемлет детскому крику

И бьётся жарче и нежней...

В первые годы подругам П.Соловьёвой и Н.Манасеиной сопутствовал успех, они жили в достатке, зиму проводили в Петербурге, летом жили на даче в Коктебеле. Там Поликсена Соловьёва познакомилась с первооткрывателем и старожилом Коктебеля Максимилианом Волошиным, дружба с которым продолжалась всю жизнь.

Но в 1912 году журнал и издательство прекратили существование из-за финансовых трудностей. Выходили новые сборники стихов и прозы Поликсены Соловьёвой, в художественном отношении неровные. Тем не менее М.Волошин отмечал необычный поэтический голос поэтессы: «почти мужской контроль со женскими грудными

нотами». Стихи Allegro высоко оценил великий князь К.К.Романов – замечательный поэт, писавший под псевдонимом К.Р. С подачи Романова поэтессу наградили золотой Пушкинской медалью, учреждённой Императорской академией наук в 1908 году.

Соловьёва и Манасеина в революционные годы тоже оказались «крымскими пленницами». Они испытали все тяготы гражданской войны и последовавшей разрухи. Поэтесса преподавала в литературной студии при Феодосийском наробразе, читала лекции в Народном университете, созданном в Коктебеле, служила библиотекарем в санатории, иногда печаталась в крымских журналах, изредка получала академические пайки, которые выбивал для писателей Волошин. Но самым верным заработком было вышивание тюбетеек для курортников. В эту пору две пожилые и больные женщины оставались единственной опорой друг для друга. Марина Цветаева вспоминала:

«Трогательное и страшное видение, на диком крымском берегу, двух дам, уже

Поляковой. Этот роман продолжался пять лет, Поляковой посвящены почти все стихи этого периода.

Туго сложен рот твой маленький,
Взгляд прозрачен твой и тих, –
Знаю, у девичьей спаленки
Не бродил ещё жених.

Надо сказать, что дореволюционные женские гимназии и частные пансионы являли собой, с одной стороны, этакое монастыри со строгим уставом. Рассказывали как действительный случай: одна директриса пансиона запретила выпускать воспитанниц на улицу, потому что там «голые лошади бегают». С другой стороны, в этих заведениях процветали восторженно-экзальтированные отношения между воспитанницами: записки, вздохи, тайные пожатия рук... Девочки младших классов имели своих «обоже» среди старшеклассниц, гордились, если те оказывали им внимание, ревновали, ссорились из-за того, чья «обоже» лучше. Обычным делом были влюблённости и в наставниц, и в преподавателей-мужчин. Конечно, ничего безнравственного в этом не было, однако наэлектризованная атмосфера девичьей дружбы влюблённости была питательной средой для возникновения сафических отношений.

Гимназию София окончила с золотой медалью и вместе с Поляковой уехала в Женеву, где училась в консерватории. Профессиональным музыкантом она не стала, вернулась в Россию и поступила на юридический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов. А вот брат её, Валентин Парнах, сделался известным танцором и музыкантом, его считают зачинателем российского джаза.

В 1906 году стихи Софии Парнок впервые увидели свет в журналах. В эти годы София Парнок, видимо, ещё тяготилась своим «инаколюбием», да и отношения с Надеждой Поляковой становились порой мучительными. По здравому ли размышлению, или от отчаяния, но в 1907 году София вышла замуж за литературоведа, теоретика драмы В.М.Волькенштейна. Их брак был недолгим, меньше двух лет. Замужество не прервало связи поэтессы с первой возлюбленной.

София Парнок была личностью страстной, ей было свойственно постоянное самоосуждение: «Когда я оглядываюсь на мою жизнь, я испытываю неловкость, как при чтении бульварного романа...» Около 1907 года София приняла православное крещение. Решение креститься в православную веру отражает её личные духовные искания и общий религиозно-мистический настрой тех лет. Мысли о Боге, о России также становятся темами стихов Софии Парнок.

Люблю тебя в твоём просторе я
И в каждой вязкой колее.
Пусть у Европы есть история, –
Но у России: житие.

В 1914 году встретились София Парнок и Марина Цветаева. Их знакомство состоялось в салоне Аделаиды Герцык. (По некоторым свидетельствам, С.Парнок одно время жила с сестрой Аделаиды, Евгенией Герцык.) Две поэтессы полюбили друг друга. Их роман продолжался около двух лет. Если для старшей – Парнок – такая связь была естественной, то для Цветаевой она стала

пожилых и проживших жизнь вместе. Одна – сестра большого славянского мыслителя... Тот же светлый лоб, те же грозные глаза, те же пухлые и нагие губы. И вокруг них была пустота, более пустая, чем вокруг состарившейся бездетной «нормальной» пары, пустота более отчуждающая, более опустошающая...

В последний год жизни Поликсена Соловьёва ещё увидела опубликованным сборник с пророческим названием «Последние стихи». Она была тяжело больна, требовалась операция. Волошин и Чуковский помогли выехать в Москву. Операция прошла успешно, но организм был уже слишком ослаблен. 16 августа 1924 года поэтесса скончалась. Её могилу и сейчас можно найти среди семейных захоронений Соловьёвых на кладбище Новодевичьего монастыря.

Трагическая леди сонетов Марины

София Парнок – первая русская поэтесса, в творчестве которой сафическая тема занимает центральное место. Разумеется, не во всех стихах адресат явно обозначен. Читатель, не знакомый с биографией автора, вполне может воспринять многие стихи С.Парнок как традиционную любовную лирику, хотя и предельно откровенную, чувственно обнажённую.

София Парнок (настоящая фамилия Парнах) родилась в Таганроге в семье аптекаря. Сочинять стихи начала в гимназические годы, возможно, под впечатлением первой любви к подруге Надежде

София Парнок: «Когда я оглядываюсь на мою жизнь, я испытываю неловкость, как при чтении бульварного романа...»

потрясением. Как она переживала свои новые чувства и отношения, какими стихами отозвалась, будет рассказано несколько позже. Сейчас речь о Парнок, о «трагической леди», как назвала её Марина. В начале романа Софии тоже пришли на память стихи Сафо, обращённые к юной Аттиде:

«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою» –
Ах, одностийша стрелой Сафо пронзила меня!
Ночью задумалась я
над курчавой головкою,
Нежностью матери страсть
в бешеном сердце сменя.

Ещё два стихотворения С.Парнок непосредственно обращены к Марине Цветаевой. Но в начале 1916 года они расстались, причём «ушла» София, без гнева и обиды, чего не скажешь о «брошенной» Марине. Впоследствии Парнок с неизменно добрыми чувствами вспоминала подругу, с большим вниманием следила за её творчеством, портрет Цветаевой всегда стоял на её письменном столе.

В жизни Парнок появилась новая подруга – актриса Людмила Эрарская, экзотическая брюнетка кавказских кровей. Марина Цветаева ревниво обрисовала соперницу: «очень большая, толстая, чёрная». Конечно, для Софии Парнок её возлюбленная была совсем другой, ей посвящены такие строки:

За что мне сие, о Боже мой?
Свет в моём сердце несветлом!..

В судьбе этой пары тоже были Крым, революция, безденежье, голод. Обе подруги вернулись в Москву в начале 1920-х годов. В этот период советская власть либерально относилась к интимной сфере. Повсюду шли дискуссии о свободной любви, она рассматривалась как демократическое завоевание революции. Было отменено преследование за гомосексуальные связи. Кооперативные издательства печатали довольно смелые эротические произведения. Выходили и сборники стихов Софии Парнок. В 1922–1928 годах вышло четыре книги её стихотворений. А в 1928-м, с усилением власти Сталина, все названные послабления были свёрнуты, гайки закручены до хруста в костях. Больше не было опубликовано ни одной строчки Софии Парнок.

Как раз в эти годы поэтесса увлеклась женщиной не из своего круга: её возлюбленной Ольга Цубербиллер была профессором математики МГУ. Умная, скромная женщина с печальными глазами. София писала о ней:

Как музыку, люблю твою печаль,
Улыбку, так похожую на слёзы, –
Вот так звенит надтреснутый хрусталь,
Вот так декабрьские благоухают розы.

Эта пара запомнилась современникам: «Они были одеты очень просто и, в общем, одинаково, всегда носили строгий, в основном мужеподобный наряд, состоящий из пиджака и юбки ниже колена с каймой. Обе носили рубашки и галстуки. Их ботинки были неизменно одного стиля oxford,

коричневые на низком каблук». Словом, типичные представительницы профессорско-преподавательского состава. Но посвящённые сразу опознавали «по одежке» лесбийскую пару.

София Парнок зарабатывала на жизнь переводами и продолжала писать стихи – «в стол», без какой-либо надежды на опубликование. Последние поэтические циклы «Большая медведица» и «Ненужное добро» ставят Парнок вровень с выдающимися мастерами. Опубликованы они лишь недавно.

Незадолго до смерти София Парнок встретила свою последнюю любовь – Нину Веденееву, учёного-физика. Для Веденеевой это был первый интимный опыт такого рода. В первые дни ещё не утолённой страсти поэтесса обращалась к ней:

Глаза распахнуты и стиснут рот,
И хочется мне крикнуть грубо:
«О, бестолковая! Наоборот, –
Закрой, закрой глаза, открой мне губы!»

«Седая Муза», «Седая Ева» – так обращалась поэтесса к возлюбленной, звала её в неизведанное: «Дай руку и пойдём в наш грешный рай!..»

София Парнок умерла 26 августа 1933 года и похоронена на немецком кладбище в Лефортово.

Сомнительное счастье амазонок Серебряного века в том, что они хотя и пережили свой век, но не дожили до страшных лет, когда инаколюбие стало инакомыслием, а значит, преступлением.

Дожила только Цветаева и – не смогла

Коктебель. В гостях у поэта Максимилиана Волошина (четвертый справа) – Марина Цветаева и её муж Сергей Эфрон (вторая и третий справа)

жить.

Царица амазонок

Великая русская поэтесса Марина Цветаева не нуждается в представлении. Некоторые стороны её жизни и творчества стали известны довольно поздно, упорно замалчивались либо считались малозначимыми. Напрасно. Её хождение в область запретного и ранее неизведанного ничего не убавило, а прибавило многое.

Станный эпизод из детства: Марина с сестрой Анастасией и отцом были в Германии, и там им предложили на выбор статуэтки – слепки античных статуй. Марина выбрала сразу: «Кто она – не знаю. Знаю одно – моя!» Это была Пенфесилея, царица амазонок. «Итак, моя любовь с первого взгляда – Амазонка!» Позднее Марина Цветаева постоянно возвращалась к этому образу, создавая свой собственный миф об амазонках.

В 1914 году Цветаева уже заявила о себе как талантливая поэтесса, по крайней мере в Москве (Петербург всегда оставался к ней холоден). Она – любимая жена и молодая мать. Они – обеспеченная семья. Правда, Марина – натура увлекающаяся, но свои увлечения она чаще переживает в воображении, чем в действительности.

В октябре она встретила с поэтессой

Софией Парнок.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом – без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня...

– вспоминала Цветаева. Роман вспыхнул моментально, необъяснимо:

Не женщина и не мальчик, –
А что-то сильнее меня!

Парнок была старше на семь лет. В этих отношениях «старшая-младшая» было что-то от материнско-дочерних отношений.

В оны дни ты мне была как мать,
Я в ночи могла тебя позвать...

– писала Цветаева. Она даже несколько переигрывала свою роль, представляя себя более инфантильной, чем была на самом деле: «Я Вашей юностью была, / Которая проходит мимо», «Ваш маленький Кай замёрз, / О снежная Королева!» В действительности самолюбивая, гордая Марина была далеко не ребёнок, а, вообще говоря, сложный партнёр – и с мужчиной, и тем более с женщиной.

Как, почему это случилось? Возможно, ближе всех к разгадке подошла подруга Марининой юности Майя Кудашева, жена Романа Роллана, много помогавшая Цветаевой в Париже в годы эмиграции. «Я думаю, когда Марина вышла замуж за Серёжу, это была обычная любовь между мужчиной и женщиной, и, как вы знаете, в таких случаях женщина ничего не испыты-

вает... На самом деле Софья Парнок открыла Марине, что такое физическая любовь...»

Они стали вместе появляться на людях, ездили в Святые горы. Пожалуй, они даже намеренно эпатировали общество, как вспоминал очевидец: «Марина Цветаева тогда считалась лесбиянкой... Она приходила с поэтом Софьей Парнок. Обе сидели в обнимку и вдвоём, по очереди курили одну папиросу».

Только муж оставался наружно спокоен, как всегда, когда Марина увлекалась, не важно кем. Вскоре он ушёл добровольцем на войну, служил в санитарном поезде. Марина была очень близка с сестрой мужа, откровенно писала ей из Святых гор: «Соня меня очень любит и я её люблю – и это вечно, и от неё я не смогу уйти». В том же письме она признавалась и в любви к мужу. Примечательно, что Цветаева пишет о Парнок – «очень любит», а о себе – просто «люблю». Марина была уверена, что она – главная героиня этого романа... Увы, всё это происходило на глазах дочери, хоть и маленькой, но сообразительной. Несколько позже она поняла характер взаимоотношений мамы и тёти Сони. Впоследствии Ариадна Эфрон тоже связала свою судьбу с подругой – Адой Шкодиной и жила с ней до последних дней.

Стихи Марины Цветаевой 1914–1916 годов – по сути, лирический дневник, зафиксировавший возникновение и развитие её отношений с Софией Парнок. Но лирическая героиня – это всё же несколько вымышленный персонаж. Наверняка в их отношениях случались ссоры, периоды охлаждения, капризы, просто раздражение. Не будем забывать, что Парнок уже освоилась в своей «инакости», а Цветаева

Романы Марины Цветаевой происходили на глазах ее дочери Ариадны, хоть и маленькой, но сообразительной...

ещё мучилась с самоопределением. В стихах уже было предчувствие разрыва. И он наступил.

В феврале 1916 года Цветаева вернулась из Петербурга, где пережила мимолётный роман с Осипом Мандельштамом. Развития эти отношения не получили. Марина пришла к подруге и обнаружила там соперницу – актрису Л.Эрарскую. Это был жестокий удар по самолюбию Цветаевой. Все её предыдущие увлечения она прекращала сама, этот принцип она называла «честь разрыва». А тут... Марина никогда не простила бывшую подругу с её «треклятой страстью», как она писала.

В 1919 году Марина Цветаева сама утешилась в объятиях актрисы – Софии (тоже!) Голлидэй из труппы Второй студии МХАТа. Ей также посвящён цикл стихов, под неё написаны пьесы «Фортуна», «Приключение» и «Каменный ангел». Когда – уже в эмиграции – Марина Цветаева узнала о смерти Голлидэй, она написала автобиографическую «Повесть о Сонечке». Если верить рассказчице, то были действительно сильные и глубокие чувства, но пронизанные какой-то чрезмерной экзальтацией.

Марину Цветаеву и в дальнейшем влекло к женщинам, у неё были и реально пережитые романы, и платонические влюблённости. И всю жизнь она тяготилась своим инаколюбием – то находила ему объяснение и оправдание, то мучилась и размышляла об этом.

В 1932 году Марина Цветаева написала лирико-философское эссе «Письмо к Амазонке». Предыстория этой работы такова. В Париже тогда жила богатая эмансипированная дама с лесбийскими наклонностями Натали Клиффорд Барни. Она была автором своеобразного сафического манифеста «Мысли Амазонки». В её великосветском салоне собирались парижские знаменитости и даже кинозвёзды. Однажды туда пригласили и Цветаеву. Поэтесса читала собственный французский перевод своей поэмы «Молодец» по мотивам русского фольклора. Её встретили холодно, хозяйка не только не помогла Цветаевой (хотя обещала – у неё было собственное издательство), но и потеряла рукопись. Эссе Цветаевой было полемическим ответом на книгу Барни, но в эссе улавливается и личная обида автора, скрытая за вежливым доброжелательным тоном.

Поэтесса рассуждает о ролях в лесбийских «семьях», о старении подруг, об их отчуждённости в мире «нормальных» мужчин и женщин. Здесь она вспоминает составившую пару П.Соловьёву и Н.Манасеину, видимо, их опыт не показался ей привлекательным. «Проклятая раса» – пишет Марина Цветаева, в том числе и о себе. Она приходит к неожиданному заключению: «Мужчина, после женщины, какая простота, какая доброта, какая открытость. Какая свобода! Какая чистота».

С такими мыслями Марина Цветаева вступала в последнее десятилетие своей жизни. И как знать, может быть, среди уже известных и названных причин её добровольного ухода из жизни в августе 1941 года была и потаённая, связанная с неосуществимостью – в принципе – её любви?

С уходом Марины Цветаевой племя страстных амазонок словно растворилось в туманах русских равнин. ■

Владимир ШЛЯХТЕРМАН

Специально для «Совершенно секретно»

КЭТ И ДРУГИЕ

Незаметные герои- радисты Великой Отечественной

Читатели романа Юлиана Семенова «простились» с Кэтрин Кин 16 марта 1945 года в 23 часа 28 минут: она уезжала с детьми из Берна в Париж, уже освобожденный от немцев. А интересно было бы знать, как сложилась дальнейшая жизнь Кэт – Кати Козловой. Однажды я слышал «продолжение» этой истории из первых уст, от Юлиана Семенова, с которым был знаком. Встречались мы редко, но как-то быстро перешли на «ты». И вот – я тогда работал в редакции «Советского спорта» – вахтер по телефону сообщил мне о приходе посетителя. Я спустился на первый этаж: ба, Юлиан Семенов!

– Понимаешь, старик, проходил по улице, увидел вывеску. У вас есть буфет? Покорми меня, я голоден, как испанский волк. В кармане ни гроша.

В редакционном буфете супы закончились, но еще был винегрет, остывшее жаркое и омлет. Юлиан быстро справился с закуской и жарким и дипломатично произнес:

– Я бы съел еще чего-нибудь.

Я направился к стойке. Буфетчица шепотом спросила:

– Это Юлиан Семенов?

Получив утвердительный ответ, она сама принесла винегрет и горячий омлет, села за столик, вздохнула:

– Скажите, Кэт уехала? Я так переживаю за нее, даже всплакнула.

– Да, она приехала в Париж, – ответил Юлиан. – Там уже работала советская миссия, ее отправили в Москву.

– А дети?

– И они, конечно, с ней. Ей и детишкам помогли.

– Все равно с двумя трудно.

– Она встретила хорошего человека, вдовца, у него тоже был ребенок. И общий у них появился.

– Ой, как хорошо! Кофе хотите? Горяченького?

Это была высшая степень признания. Буфетчица принесла кофе, попросила:

– Увидите Кэт, скажите, что мы за нее волновались.

Юлиан кивнул головой. Провожая его к выходу, я спросил:

– Вдовца ты прямо тут придумал?

– Понимаешь, старик, не она одна меня об этом спрашивает. А что ответить?

Так я и не понял, обдумывал ли он именно такое продолжение «Семнадцати мгновений» или его экспромт родился в буфете «Советского спорта».

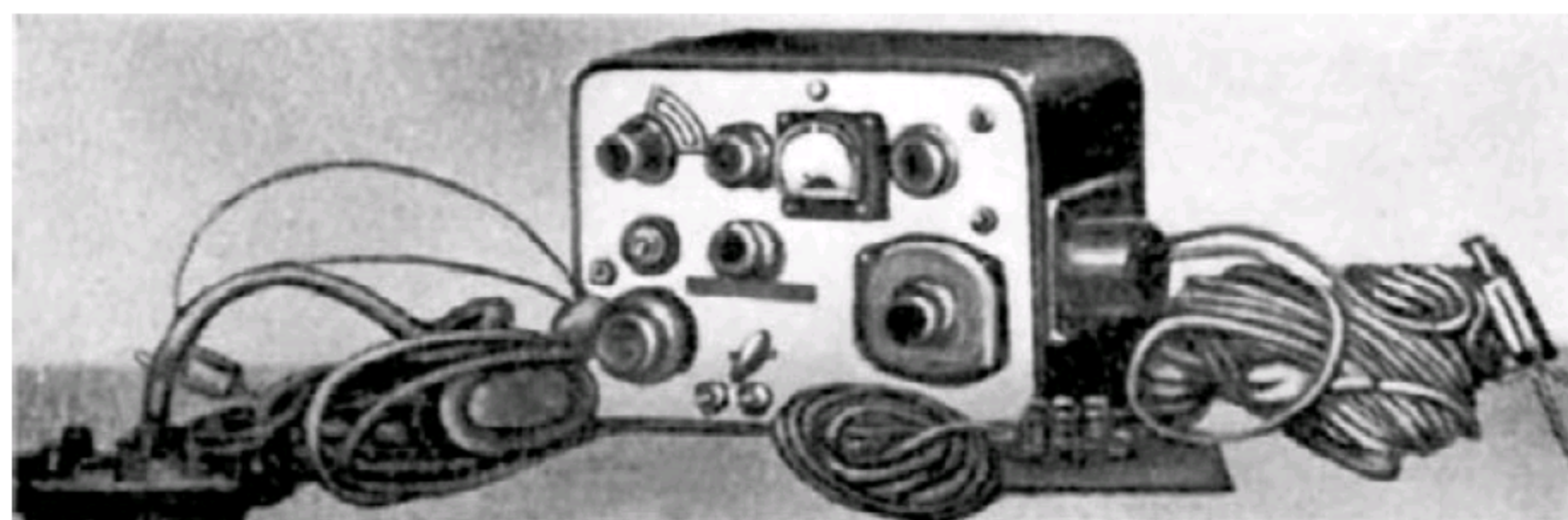
Не так давно я отдыхал в санатории «Озеро Белое» и там увидел объявление: «В 16 часов в конференц-зале состоится встреча фронтовиков. Приходите». Я пришел. Выступали мужчины и женщины, рассказывали фронтовые истории. Особенно привлек мое внимание рассказ Владимира Федоровича Гужова: он поведал, как из молоденьких девушек готовили радисток для заброски в партизанские отряды.

Когда встреча закончилась, мы с Владимиром Федоровичем прогулялись по аллее, и я рассказал, что в нашем классе училась Майя Эльская, которая во время войны стала радисткой и была заброшена в немецкий тыл. После Победы мы (из всего класса нас вернулось с фронта только трое) пытались разыскать ее. Обращались в Центральный партизанский штаб, в Наркомат обороны, но получали неутешительные ответы: сведений не имеем. Мы решили, что Майка погибла. Может быть, попала в лапы гестапо, а может, нашла смерть в бою. Я спросил у Гужова совета: куда еще можно обратиться? Он выслушал меня и спокойно говорит:

– Записывайте телефон Майи...

Хорошо, что рядом стояла скамейка. Оказывается, наша Майка вышла замуж, стала Романовой, поэтому мы ее и не разыскали. По возвращении из санатория я сразу созвонился с ней. Встретились через 66 лет. Майя оказалась секретарем Совета радистов-партизан Московского отделения Всесоюзного комитета ветеранов ВОВ.

Так я стал собирать материалы о радистах, сражавшихся в немецком тылу, встречаться с теми, кто еще жив. Радисты рас-

Радистки-партизанки Валентина Доновая, Нина Кочеткова, Клавдия Ромашова, Зоя Копылова. Партизанские радисты использовали легкие (10 кг) радиостанции «Север» (на фото слева) с дальностью действия до 400 километров. Создал рацию московский изобретатель Борис Михалин в 1940 году. Производили «Север» в блокадном Ленинграде и самолетами отправляли на большую землю

сказывали о том, как их готовили. Существовали специальные школы – в Москве, Горьком, Саратове, Ленинграде и других местах.

Юбка с чужого плеча

Полгода обучения в московской специальной радиошколе №3 – и в январе 1943-го Валя Грибкова уже протягивала начальнику штаба партизанского движения Воронежского фронта бумагу: «В ваше распоряжение направляется...»

Диверсионную группу в количестве одиннадцати человек выбросили под Острогожском. Подрывали железнодорожное полотно, выводили из строя мосты. Немцы жаждали взять реванш за Сталинград, готовились к Курской битве, усиленно наращивали группировку. Каждый удар по дорогам ощущался ими очень болезненно. Поэтому каратели принимали все меры по ликвидации диверсантов. После каждой операции партизанская группа быстро уходила в другое место. 30-40 километров по зимнему бездорожью были чуть ли не ежедневной нормой. Но один раз задержались: узнали, что неподалеку находится лагерь военнопленных. Командир группы принял решение атаковать лагерь. Операция прошла успешно: за счет освобожденных группа выросла до 80 человек. В таком составе и вышли к своим.

А вот второе задание Вали Грибковой оказалось неудачным. Когда подлетали к линии фронта, самолет обстреляли с земли, и летчик поднял машину выше запланированного. Поэтому, видимо, проскочил точку выброса. Валя приземлилась в 80 километрах от села, в котором ее ждали на конспиративной квартире.

– Перед заброской я из тонкой немецкой шинели сшила себе юбку, – рассказывала Валентина. – Очень гордилась обновой. За несколько дней дошла до нужного селения. В лесу закопала рацию, блоки питания. Подхожу к селу, навстречу полицей. И сразу спрашивает: с кого сняла шинель? А я и растерялась, не знаю, что сказать. В радиошколе нам десятки раз твердили: в вашей работе мелочей нет. Но как все можно предугадать? Что я – не могла юбку из «нашей» материи сшить?

Валентину отвели в комендатуру, по ее следам пустили овчарку. Собака привела к спрятанной радиации. Грибкову передали немцам. Захват вражеского радиста всегда считался большой удачей – ведь ему известны шифры, коды. Пускай только свои, но и

это немало. Можно узнать, о чем он успел сообщить своему командованию, а также попытаться ввести противника в заблуждение. Радиста сразу передавали спецслужбам – там знали, как с ним работать.

Грибкову отвезли в город Богородухов, в гестапо. Заставили передать радиogramму: приземлилась, жду указаний. До заброски условились, что если в тексте появятся три точки, значит, радист «под колпаком». В следующей передаче удалось вставить три точки и подписать текст не псевдонимом Молекула, а своей фамилией, что запрещалось.

– Радиоузел потребовал подтвердить три точки, – рассказывала Валентина. – Немцы, естественно, прекратили радиоигру. Но главное было сделано. Нас выбрасывали, чтобы подготовить место для высадки десанта. Командование поняло, что задание не выполнено, десантирование отменили, удалось избежать потерь. Но об этом я узнала уже после войны.

Грибкову перевезли в Киев, оттуда отправили на запад. Вместе с несколькими девушками ей удалось бежать из эшелона. После скитаний группа наткнулась на партизан. А когда отряд соединился с частями Красной армии, Грибковой заинтересовался «Смерш». Фльтрационный лагерь, допросы в тюрьме. И только в конце 1945 года перед ней извинились и она вернулась домой, в подмосковный Реутов.

Подвели под «Монастырь»

Наверное, все разведки мира используют так называемые радиоигры, когда удается захватить агента вместе с рацией. Этот агент может согласиться работать против своих хозяев – то есть передавать им дезинформацию, составленную контрразведкой противника. За время войны наши спецслужбы захватили свыше 400 агентурных радиостанций немцев – как правило, вместе с радистами. Всего за время Великой Отечественной велось около 200 радиоигр.

4 апреля 1944 года Сталин созвал в Кремле совещание, на котором рассматривалась ситуация с радиоигрой «Монастырь» и возможность изменения ее стратегических целей на заключительном этапе войны. Ответственные сотрудники спецслужб сели за разработку новых планов. Эта радиоигра продолжалась до последнего дня войны. Наш разведчик Александр Демьянов (псевдоним – Гейне) несколько раз переходил линию фронта,

встречался с руководителями германской разведки, получал от них задания и отчитывался о проделанной работе – передавал им сведения, подготовленные нашим Генштабом. Гейне (немцы дали ему кличку Макс) вызывал связников, курьеров с рациями, деньгами и документами. На конспиративных квартирах их тихо брали чекисты. Но, несмотря на эти провалы, абвер продолжал удовлетворять запросы Макса: курьеры регулярно доставляли по адресам, указанным агентом, новые рации, шифры и деньги.

Немецкие разведчики гордились этой операцией. О ней знало высшее руководство страны. Гитлер наградил Макса за храбрость Железным крестом I степени с мечами. Почти невероятно: за одну и ту же операцию один и тот же человек получил правительственные награды двух воюющих сторон. Ни разу у германских спецслужб не возникло подозрений в достоверности сообщений Макса. Чтобы немецкие спецслужбы не усомнились в его успехах, некоторым связникам не мешало возвращаться в Берлин. И те докладывали: Макс действует эффективно и надежно законспирирован.

Радиоигра «Монастырь» завершилась 8 мая 1945 года. Ас германской разведки Отто Скорцени констатировал: «После 8 мая ничто больше не нарушало молчание в эфире». Замолчал и передатчик Гейне – некое было больше дезинформировать. А может быть, зря замолчал. Дело в том, что генерал Гелен, курировавший в гитлеровской разведке советское направление, после войны стал руководителем германской спецслужбы. Так вот, Гелен еще многие годы считал, что Макс удачно внедрил в советский Генштаб. Он даже предлагал информации из высших военных кругов СССР. (Правда, разведка США с недоверием отнеслась к совету германского генерала.)

Александр Петрович Демьянов умер в 1978 году и похоронен в Москве на Введенском (Немецком) кладбище.

Вызываем огонь на себя

10 мая 1944 года в польском районе Дембица приземлилась десантная группа из партизанского отряда имени Пожарского. В Украинский штаб партизанского движения тотчас ушла радиogramма: все десять человек собрались, приступаем к выполнению

задания. Радисты Анатолий Гурнов и Александра Лунева каждый день выходили на связь. Особенно много им пришлось потрудиться, когда отряд, разросшийся до двухсот человек, обнаружил необычный полигон, похожий на аэродром, но без самолетов. Полигон охраняли не только военные, но и гестапо; охранники располагали тяжелым вооружением. Разведка выяснила, что это был полигон для испытания «оружия возмездия» – так гитлеровцы именовали ракеты «Фау-2».

Партизаны определили координаты полигона, систему ПВО. Радисты передали информацию в Центр. В одну из ночей всех разбудил гул десятков бомбардировщиков и сильные взрывы. Полигон перестал существовать, а отряд имени Пожарского получил приказ перебазироваться на территорию Словакии, где назревало восстание против оккупантов.

Когда отряд входил в словацкое село Осадне, все жители высыпали на улицы. Словаки узнали, что в отряде есть радиостанция, и попросили партизанского командира дать им послушать Москву. Командир Леонид Беренштейн задумался: сухие батареи сядут быстро, заменить их удавалось не всегда, на счету каждая секунда работы. Но тут такая необычная просьба, и он кивнул радистке Шуре Луневой: давай! Из хаты вынесли стол, на который взгромоздили безотказный «Север», паренек с антенной взобрался на дерево. Лунева быстро вышла на московскую волну. Через две-три минуты подняла руку, призывая к тишине. Все замолкли, и из больших черных наушников раздался голос:

– Говорит Москва! Передаем последние известия.

Наверное, не все словаки хорошо поняли русскую речь, но главное дошло: Красная армия наступает. Радиосеанс оказался посильнее многих пропагандистских мероприятий.

В этом партизанском отряде еще не раз использовали радиопередатчик не по прямому назначению. Как-то в районе Дуклинского перевала отряд готовился к совместной операции с частями Красной армии. Немецкая разведка стала появляться на флангах. Надо было отвлечь противника. Решили: две группы партизан отправляются в горы, и там радисты выйдут в эфир. Сеанс не более двух минут – и бегом в другое место. Немцы пеленговали радиостанции и открывали огонь по квадратам, которые уже покинули радисты. Вскоре пеленгаторы засекали радиостанции в новых координатах, опять обстреливали обнаруженные точки, но вновь безрезультатно – радисты успевали уйти в другие пункты. На военном языке эта опасная игра называется «вызывать огонь на себя». Редкий случай: обошлось без потерь.

Жительница городка Сеща в Брянской области Аня Морозова попала в спецшколу в 23 года. В 1944-м в составе разведгруппы ее забросили в Восточную Пруссию. Четыре месяца Морозова почти ежедневно садилась за рацию: командованию передавались сведения о передвижениях немецких войск, состоянии оборонительных сооружений. С наступлением зимы разведгруппа, изрядно поредевшая в боях, переместилась в Польшу. 31 декабря 1944 года группа приняла последний бой. Радистка отстреливалась до последнего патрона. А когда они закончились, подорвала себя гранатой, уничтожив и секретный шифр. Через 20 лет после Победы Анне Морозовой посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Любовь Туманова была чуть старше Морозовой. Тоже окончила спецшколу, была заброшена в тыл противника на территорию Карелии. Группу окружили каратели. Люба взорвала себя и радиостанцию гранатой.

Москвичке Кларе Давидюк исполнилось только 17 лет, когда ей удалось стать радисткой в отдельном радиобатальоне. За выполнение задания в германском тылу она была награждена орденом Красной Звезды. А летом 1944 года Клара стала радисткой партизанского отряда в Белоруссии. В районе города Слоним завязался неравный бой между фашистами, Кларой и раненым в обе ноги командиром отряда. Уйти было невозможно. Уничтожив 22 немецких солдата, командир и радистка взорвали себя противотанковой гранатой.

Радистке партизанского отряда имени Чапаева Вере Бирюковой не было и 22-х, когда отряд попал в окружение в районе города Могилев-Подольск. Последнюю гранату Вера бросила себе под ноги.

Синий мост

Совещание командиров партизанских отрядов у Верховного главнокомандующего подходило к концу. Сталин сказал: «Ну, теперь говорите, что вам нужно». Одни просили вооружение, другие – боеприпасы, кто-то – толковых агитаторов. А Герой Советского Союза Михаил Ромашин попросил радиста с рацией. Когда ему дали список выпускников (это был первый выпуск) московской спецшколы №3, Михаил Петрович указал на радистку Клавдию.

– Интересно, почему он вас выбрал? – спрашиваю Клавдию Георгиевну.

– Наверное, потому что фамилии у нас

редь, слала шифровку для командира. Клава в землянке – при фонаре или свечке – расшифровывала, командир читал, кивал головой. Одна из памятных операций – взрыв Синего моста через Десну на железнодорожной линии Гомель–Брянск в марте 1943 года. Движение по ней было круглосуточное в обоих направлениях. Охранялась линия воинскими частями, полицейскими и эсэсовцами. Особенно, конечно, охраняли мост. К мосту проходились подходить то с одной стороны, то с другой. Но отряды терпели неудачу. Ничего не могла сделать и авиация. Синий мост стоял как заговоренный.

Приближалось наступление советских войск. Москва поставила задачу: воспрепятствовать переброске немецких частей по рокадной (идущей вдоль линии фронта) дороге. Штаб партизанских бригад разработал план операции, к выполнению которой привлекались пять партизанских отрядов. Командование возложили на Ромашина. Прибавилось работы и у радистки: помимо Москвы и своего штаба, надо было поддерживать связь и с остальными отрядами. А в день операции именно от устойчивой связи зависел успех.

Связь была бесперебойной. Отряд, в котором радистом был Николай Елисеев, действовал с юга; Клава Ромашова – в группе, наступавшей с севера. Южный отряд вошел в низину, и Клава плохо слышала Елисеева.

– Я посадил помощника на лошадь, – рассказывал мне Николай Сергеевич, – дал

Нина Трушина, Мария Сычева и Мария Коломогорова на встрече партизанских радистов в московской школе №188

были схожие, – улыбается она. – Это я сейчас по мужу Пукемова. А тогда была Ромашова.

Сентябрьской ночью 1942 года двадцатилетнюю Клавду Ромашову сбросили в условленном месте Брянской области. На спине – мешок с рацией и блоками питания, автомат с дисками. И конечно, парашют, который она увидела тогда впервые. Правда, был десятиминутный инструктаж: что делать, если основной парашют не раскроется, как пользоваться запасным. Подвели к открытой двери, легонько толкнули... Парашют зацепился за высокую сосну. Ножом перерезала стропы и шлепнулась на землю. А вокруг уже сновали партизаны, кто-то негромко звал: радистка, где ты? Так началась партизанская жизнь Клавдии.

Два выхода в день на связь с Москвой. Командир писал донесение, она зашифровывала и передавала. Москва, в свою оче-

ему шест с антенной. Через минуту Клава отстукивает цифру пять. Это сигнал: слышимость хорошая. Группа подрывников прорвалась на мост. На глазах у Клавды рухнули мостовые пролеты. 28 суток важная магистраль бездействовала.

...Радистка Наталья Аристова вышла замуж в результате «секретной операции». Ее готовили к тому, чтобы она могла связываться с советским командованием и вести подпольные передачи из столицы, если бы немцы сумели занять Москву. Задание было на первый взгляд простым: до возможного появления немцев устроиться на работу лаборанткой на водопроводной станции, снабжавшей столицу питьевой водой. Для правдоподобия ее «выдали замуж» за начальника цеха Игоря Щорса (он был троюродным братом героя Гражданской войны Николая Щорса).

Игорь Александрович имел диплом горного инженера, но еще и учился в школе особого назначения, которой закончил 21 июня 1941 года. Молодой чекист получил задание для подпольной работы в Житомире. Но в конце июля 1941-го это задание заменили другим: он стал руководителем группы и начальником цеха насо-

сней станции, а его «жена» Аристова – лаборанткой. Радистка Аристова получила коды, шифры и две радиостанции. Одну вмонтировали в спинку сиденья автомобиля, вторую надежно упрятали на квартире «мужа».

Но немцы Москву не взяли. Радистка Аристова сдала радиостанции и стала женой Игоря Александровича. Обычно люди знакомятся, сходятся, потом расписываются. А тут наоборот: сначала им выдали документы, что они муж и жена, и лишь потом они стали ими по-настоящему. Видимо, практика засылки групп в составе «мужа и жены» нравилась руководителям спецслужб. И Юлиан Семенов в группу Штирлица включил радистку Кэт и ее мужа Эрвина, тоже радиста.

Найти «Ромашку»

Горьковчанину Николаю Елисееву шел восемнадцатый год, когда он стал курсантом московской спецшколы №3. Случилось это в январе 1942 года, а в июне его забросили в Брянскую область, где он стал радистом-разведчиком в отряде имени Ворошилова. Затем, с перерывами на лечение после ранений, находился в немецком тылу в Орловской, Курской, Сумской, Гомельской, Пинской областях до середины 1944 года. Тысячи километров с «Севером» за плечами, сотни радиogramм, переданных в штабы партизанского движения.

– Шифр и код так ввелись в память, что при шифровке и расшифровке телеграмм для командиров бригад и отрядов обходились без кодовых книжек, – рассказывал Николай Сергеевич. Сейчас он возглавляет Объединенный совет партизан и подпольщиков Московского комитета ветеранов войны. На учете – 519 человек. Николай Сергеевич протягивает мне список из 26 фамилий.

– Это наши товарищи, погибшие во время войны. Кого-то захватили каратели, но радисты отказывались сотрудничать с врагом. Их расстреливали. Кто-то погиб в бою. Список, конечно, не совсем полный. Иные командиры партизанских отрядов сами не знали, что стало с их радистами.

В списке, который дал мне Николай Елисеев, значилось 13 женских фамилий и столько же мужских. Буквально на другой день я разговаривал с Майей Романовой, и она назвала еще двух погибших радисток из ее отделения спецшколы №3, Лидию Ильину и Татьяну Ежову. Кстати, всего эта спецшкола выпустила 1275 радистов.

Совет сейчас ведет большую патриотическую работу. Те, кому позволяет здоровье, выступают перед школьниками, студентами. В 53 московских школах есть партизанские музеи. Один из лучших – Музей боевой славы радистов-партизан в школе №188. Все началось более тридцати лет назад, весной 1975 года. Тогда к преподавателю 188-й школы Надежде Ивановне Ивановой пришла Александра Анисимова. До войны она училась в этой школе, потом стала партизанской радисткой. Она и предложила создать музей радистов-партизан. У Шуры Анисимовой были кое-какие адреса, но немного. Радисты не числились за какой-то одной воинской частью, в отрядах работали один-два, редко три человека. Не всегда были известны настоящие фамилии бойцов, попробуй найди какую-нибудь «Зарю» или «Ромашку». Партизанские штабы и спецшколы давно расформированы, а скудные архивы не торопились раскрывать свои секреты.

Но дело двигалось: писались письма, запросы, публиковались заметки в газетах. Пошли ответы ветеранов, появились фотографии, экспонаты. Открытие музея стало праздником. Многие впервые встретились здесь после войны. ■

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№11 (176) от 10.11.2020
Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»

04080, г. Киев, ул. Кирриловская, 104
Главный редактор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 24421-14361 ПР
выдано Министерством юстиции
Украины 13.03.2020
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г
Телефон редакции: (044) 207-97-11

e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Размещение рекламы
reklama@umh.com.ua
Тел.: (044) 207-97-00, (044) 207-33-05
Распространение и подписка
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»
Отдел розницы, тел.: (044) 207-97-00
Отдел подписки, тел.: (044) 207-97-25
При подготовке номера использованы

материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типограф-
ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел.: (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
© «Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 39000 экз. Заказ № 80945

У листопаді
читайте:

- ЩО ЧЕКАЄ ТРАМПА ПІСЛЯ ПОРАЗКИ
- ЯКА ВОНА БІЛОРУСЬ ПІСЛЯ "БАТЬКИ"
- ВІЙНА МІЖ ВІРМЕНІЄЮ ТА АЗЕРБАЙДЖАНОМ, УРОКИ ДЛЯ УКРАЇНИ
- НАВІЩО США УКРІПЛЮЮТЬ СХІДНИЙ КОРДОН НАТО

Вже
У ПРОДАЖУ

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
24420-14360 ПР
від 13.03.2020р.

СПЕЦВИПУСК
«Секрети науки»

